

Мухоморов

П. ТЕНЕРОМО.

ЖИЗНЬ И РЪЧЬИ
Д. ТОЛСТОГО

„ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНЬ“

Жизнь и рѣчи
Л. Н. Толстого

20 мая 40г.

УЧЕНИКЪ И ДЪЛЪ
ОТЪ Т. Н. Д.

Михаил Франц

И. Менеро

Въ Ясной Полянѣ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

Сижу въ Ясной Полянѣ и вспоминаю старое. Помню первые дни нашего знакомства съ Л. Н. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ событій мы въ бесѣдахъ часто касались начинавшагося тогда освободительнаго движенія, его судьбы и тѣхъ ужасовъ реакціи, какіе приходится переживать.

— Они забываютъ,—кивнуль Л. Н. въ сторону Петербурга, что то, что они желаютъ задушить, совсѣмъ не въ тѣхъ молодыхъ и вздрагивающихъ шеяхъ, на которыя они набрасываютъ свои веревочныя петли. Шеи сдавливаются, жизнь улетаетъ, а то, что имъ страшно, ширится и растетъ.

И не можетъ не шириться. Ибо отплата ужасомъ за ужасъ ужасы и рождаетъ. Боже! я помню, съ какимъ содроганіемъ души я узналъ о предстоящей казни этихъ пятерыхъ участниковъ страшнаго, потрясающаго и, дѣйствительно, нечеловѣческаго событія. Я не спалъ, я мѣста себѣ не находилъ, я хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и поступить, какъ древніе люди въ моемъ положеніи поступали, устами къ устамъ, просить и умолять о недопущеніи казней.

Меня толкало на это и звало что-то неизъяяснимо-властное и необходимое, но я изъ слабости поступилъ по современному. Написалъ письмо и черезъ знакомыхъ передалъ. Правда, въ письмѣ этомъ я старался всю душу свою излить, но оно, все таки, далеко не отражаетъ того, что я переживалъ.

Это былъ тотъ моментъ, когда поднятая рука мира могла-бы установить жизнь въ странѣ и радостную совмѣстную работу всѣхъ.

А потомъ, когда я узналъ уже о совершившемся, я не могъ отогнать отъ глазъ своихъ эти висящія, вытянутыя жизни.

Въ особенности образъ той женщины угнеталъ меня.

Я себѣ живо представлялъ, какъ она подводитъ шею подъ петлю и какъ невольно сама поворотами головы прилаживаетъ, чтобы петля легла ниже гортани, и какъ потомъ, когда вытолкнули изъ подъ ногъ скамеечку, и веревка туго прижала мягкіе хрящи горла къ твердымъ позвонкамъ шеи, она вдругъ почувствовала волну крови въ головѣ и забилась всѣмъ тѣломъ... Я самъ задышался и глоталъ часто, чтобы убѣдиться, что у меня еще гортань не сдавлена... Я видѣлъ эти выпученные и застывшіе въ недоумѣніи и грозной близости къ чему-то страшному глаза; это синее подъ колпакомъ лицо... Ужасъ, ужасъ!

Вы знаете, мнѣ кажется, это самый ужасный изъ видовъ смерти. Я много думалъ объ этомъ въ послѣднее время и много читалъ, и изъ всѣхъ мыслей о смерти мнѣ очень нравится мысль, не помню ужъ какого, ученаго, что въ сущности всѣ виды смерти сводятся къ задушенію. Ожоги не даютъ возможности въ кожѣ окисляться крови, и накопившаяся углекислота убиваетъ, т. е. задушаетъ человѣка.

Старость, чахотка, водянка, всѣ отравленія—все это въ концѣ-концовъ ведетъ къ остановкѣ дыханія, т. е. къ задушенію.

Но всѣ эти страданія и болѣзни, ведя къ задушенію, готовятъ тѣло къ нему.

Повѣшеніе же есть жестокое задушеніе безъ всякой подготовки тѣла. Сдавливаютъ горло—и все.

Люди забываютъ только одно. Все страшное, чудовищное, жестокое, что они дѣлаютъ другимъ, попадаетъ со-всѣмъ не туда, куда они желали бы направить его.

Удивительно, какъ защищена душа мучимаго отъ этихъ жестокостей. Въ тотъ моментъ, когда наивысшая жестокость—смерть уже близка и дыханіе ея вѣтъ надъ тобой, тогда всѣ мученія какъ бы таютъ, какъ тьма передъ зарей.

Это, такъ-сказать, Его защита. Онъ устроилъ это такъ, что въ то самое время, когда людямъ кажется, что они дѣлають другимъ самое ужасное,—этого ужаснаго уже нѣтъ для того, кому оно дѣлается, и оно цѣликомъ остается у того, кто его дѣлаеть. Поразительно, но оно такъ.

Я помню себя, когда на меня напалъ медвѣдь и подмялъ подъ себя и когти своей огромной лапы вонзилъ въ мое плечо. Я боли никакой не чувствовалъ. Я лежалъ подъ нимъ и смотрѣлъ на теплую широкую пасть съ мокрыми бѣлыми зубами. Онъ дышалъ надо мной, и я видѣлъ, какъ онъ поворотилъ свою голову, изловчаясь такъ, чтобы сразу угрызть меня за оба виска и отъ спѣхоты или отъ разгорѣвшагося вкуса онъ сдѣлалъ пробный глотокъ въ воздухъ у самой головы моей и потомъ опять раскрылъ пасть, красную, мокрую, со стекающей слюной, жадную пасть. Я зналъ, что долженъ сейчасъ умереть, и смотрѣлъ въ глубину его рта, какъ смотреть казнимый въ туть же вырытую могилу свою,—смотрѣлъ и, помню, самъ удивлялся, что не испытываю ни страха, ни робости. Мало того, изъ-за краешка пасти, помню, я однимъ глазомъ увидѣлъ кусокъ синѣющаго въ просвѣтѣ лиловыхъ, грубо нагроможденныхъ тучъ, неба и подумалъ: какъ хорошо тамъ! и когда, застрѣленный пулею подбѣжавшаго доѣзжачаго Филиппа, медвѣдь грохнулся своею тушею на бокъ, я видѣлъ, какъ онъ медленно вытягивалъ уже тяжестью своего паденія когти изъ моего тѣла и туть, кажется, я впервые почувствовалъ боль. Я потомъ часто вспоминалъ этотъ мигъ и теперь всегда, когда я думаю о смерти, я сейчасъ представляю себѣ то положеніе, ибо никогда я не былъ ближе къ смерти, чѣмъ въ тотъ разъ; вспоминаю, обдумываю и приравниваю и вижу, что самая смерть, настоящая, нешуточная и поглощающая,—она, слава Богу, не страшна. Все дервенѣеть тогда и все пугающее перестаетъ ухать надъ тобой—и на душѣ ровно и тихо.

То же испытываетъ, вѣроятно, и ягненокъ, когда его грызеть волкъ, и птичка, попадающая въ ротъ змѣи, и путники, когда на нихъ нападаютъ въ лѣсу, и люди, изъ

подъ которыхъ коварно выдергиваютъ скамеечку на эшафотѣ.

Вотъ почему я и говорю, что все жестокое, злое, глущее остается въ душѣ тѣхъ, кто это дѣлаютъ, и вотъ почему такъ ужасно для жизни то, что люди дѣлаютъ жестокость. Она уширяется, она льется заражающей жижей и сквернитъ людей и пропитываетъ ихъ смрадомъ грѣха.

Но въ казняхъ, не въ примѣръ обычнымъ убійствамъ и нападеніямъ, жестоко еще другое.

Когда приговоръ уже произнесенъ и приговореннаго отводятъ въ тюрьму и томятъ въ промежуткѣ между конфирмаціей и эшафотомъ, несчастный знаетъ, что смерть неминуема, что она идетъ, что откроется дверь и его позовутъ и поведутъ и сдѣлаютъ *то*, и оно настанетъ, оно будетъ съ роковой неотразимостью, такъ же, какъ засѣрѣетъ небо и неотвратимо взойдетъ солнце. Надежды на спасеніе нѣтъ. Если его ведутъ подъ разстрѣлъ, то онъ знаетъ, что, если послѣ первыхъ пуль онъ зашатается, упадетъ, но еще будетъ дышать, то его не оставятъ въ живыхъ, а выпустятъ еще пули и пристрѣлятъ до конца; если же его ведутъ на висѣлицу, то пусть даже веревка оборвется, онъ знаетъ, какъ это было съ Рылѣвымъ, его подымутъ съ помоста и уже въ глубокомъ обморокѣ все-таки опять надѣнутъ петлю и опять повѣсятъ. Онъ знаетъ это и въ этомъ знаніи неотвратимости весь ужасъ ожидаемаго.

Когда нападаютъ въ дорогѣ, въ лѣсу или на улицѣ, человѣкъ надѣется, что отобьется, что кто-нибудь приблизитъ на помощь; когда попадаешь на войнѣ подъ огонь рвущихся снарядовъ, ты надѣешься, что все мимо тебя пролетитъ, что ускользнешь, что найдешь ту счастливую линію, по которой нѣтъ осколковъ и пуль: но когда ведутъ на казнь, тамъ нѣтъ надежды, что отобьешься, и нѣтъ надежды, что ускользнешь.

Ты идешь и оно совершится. И это *оно* оттого такъ страшитъ и ужасаетъ.

Говорятъ, что казнь совершается по закону „око за око“. Ты отнял жизнь у другого,—и у тебя отнимаютъ

жизнь. Но ужъ не говоря о томъ, что не всегда казнять за убійство, казнь даже за убійство по своей неотвратимости есть вещь болѣе жестокая, чѣмъ какое бы то ни было убійство, и поэтому даже „око за око“ сюда не подходитъ.

Но что я говорю? Какими доводами я хочу убѣдить забывшихъ душу людей и что еще можно имъ сказать послѣ того, какъ столько уже было сказано и всей мудростью прошлой жизни и опытомъ и знаніемъ теперешней?

Одно только могу сказать, какъ въ той легендѣ.

Подошелъ къ мудрецу ученый и просить благословенія.

— Хорошо,—отвѣтилъ мудрецъ.— Шелъ путникъ въ пустынь и, долго блуждая, усталъ, изголодался и жаждой истомленъ. Вдругъ видитъ передъ собой дерево, на деревѣ крупные, сочные плоды, подъ нимъ свѣжій хрустальный ручей и кругомъ отъ дерева расходится нѣжная прохлада.

Изнеможенный путникъ утоляетъ голодь плодами, жажду — ключевой водой, а знойную усталость—отдыхомъ въ прохладной тѣни.

Когда силы возвратились къ нему, онъ всталъ и уходя, говорить дереву.

— Что я могу пожелать тебѣ? Чтобы плоды твои были усладительны?—Они усладительны. Чтобы тѣнь твоя доставляла отраду?—И это есть. Чтобы у ногъ твоихъ струился источникъ чистой воды?—И онъ есть.

А вотъ что я пожелаю тебѣ: чтобы всѣ отпрыски твои были подобны тебѣ.

То же самое могу сказать и тебѣ, мой другъ.

Какое благословеніе дать тебѣ? Чтобы ты былъ великъ въ наукѣ?—Она украшаетъ тебя. Пожелать тебѣ почестей?—Ты ихъ имѣешь. Богатства?—И оно у тебя есть. Многочисленнаго семейства?—И имъ ты осчастливленъ. А вотъ что я пожелаю тебѣ: чтобы всѣ потомки твои были, какъ ты!..

Нашимъ же казnelюбамъ и всему сонму творящихъ гоненія могу сказать какъ разъ наоборотъ: чтобы потомки ваши не были такими, какъ вы! Упаси ихъ Господь!..

И вотъ теперь, спустя почти 25 лѣтъ, когда мы съ Л. Н. заговорили объ ужасахъ нашихъ дней, и я напомнилъ нашу старую бесѣду, онъ тяжело вздохнулъ:

— Поразительно! Какъ будто это вчера было. Все, все то же самое, но еще съ большей чернотой и мрачностью. Прямо оторопь беретъ. Боже! Увидимъ ли мы свѣтлое время и миръ среди людей? Страна наша, какъ Іовъ, пораженная и страдающая, взываетъ къ Богу:

„Еще и нынѣ горька рѣчь моя: страданія мои тяжелѣе стоновъ моихъ. Доколѣ?“...

Л. Н. грустный-грустный откинулся къ спинкѣ кресла, къ которому приковала его больная нога, и тихо-тихо закрылъ глаза, отразивъ на лицѣ глубокую скорбь.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СТУДЕНТЫ

Когда Л. Н. заболѣлъ тяжелой болѣзнью, потребовавшей пребыванія въ Крыму, онъ крайне неохотно согласился на это тягостное для него передвиженіе.

— Не все-ли равно,—говорилъ онъ ласково и мягко,— гдѣ закрыть глаза—здѣсь, около Засѣвки, или тамъ, около крымскихъ горъ? Къ Нему разстояніе одно.

Но дѣти и въ особенности Софья Андреевна стали сильно настаивать на^ш поѣздкѣ, и онъ послѣ долгихъ колебаній склонилъ голову:

— Везите! Тѣло ваше.

И его повезли въ отдѣльномъ, специально для него выписанномъ изъ Москвы вагонѣ.

Вся дорога, гдѣ только были сколько-нибудь продолжительныя остановки, представляла собой сплошную восторженную овацію, устраиваемую дорожному и великому писателю безчисленными друзьями и поклонниками, старавшимися громко выразить свое восхищеніе и благоговѣніе генію и совѣсти Россіи.

Особенной задушевностью и силой отличались оваціи въ Харьковѣ, устроенныя Л. Н. студентами.

Мнѣ рассказывалъ врачъ:

— Я былъ тогда на послѣднемъ курсѣ въ харьковскомъ университетѣ и, какъ сейчасъ помню, былъ занятъ въ клиникѣ сдачей препарата профессору. Вдругъ слышу, вбѣгаютъ, запыхавшись, два товарища и тащатъ меня за рукавъ:

— Идемъ! Сейчасъ пріѣдетъ... Толстой пріѣзжаетъ!

И мы побѣжали...

Всю дорогу мчались мы рысью, въ припрыжку, обгоня медлякъ и лавируя между сновавшими каретами и из-

возчиками, и, когда, усталые, въ поту, мы поднялись по лѣстницѣ вокзала и вышли на платформу,—все было уже запружено сплошной толпой. Пестрѣли шляпки съ перьями, котелки, „панамы“, но больше всего—фуражки студентовъ съ синими околышами. У всѣхъ лица напряженные, вытянутыя, и головы часто поворачиваются вправо, къ Курску, откуда долженъ былъ подойти поѣздъ.

— Только, смотрите, не шумѣть!—раздается сильный теноръ высокаго бѣлокурого студента. — Ни „ура“, ни „vivat“ не кричать! Онъ бо-о-лень!..

Послѣднее слово было произнесено при мертвой тишинѣ платформы и далекимъ эхомъ отдалось подъ сводами длиннаго—во все зданіе—навѣса.

Всѣ стиснули губы, затаили дыханіе и чутко прислушивались къ трепещущимъ звукамъ рожка, торжественно возвѣщавшаго приближеніе поѣзда.

Я горѣлъ, я волновался неизъяснимымъ чувствомъ сладкаго трепета и не вѣрилъ себѣ, что, вотъ-вотъ, я увижу, наконецъ, того, кто представлялся мнѣ такимъ огромнымъ, такимъ покоряющимъ...

Я не толстовецъ и крайностей его взглядовъ никогда не раздѣлялъ и часто спорилъ съ народниками, перемѣнившими свою жизнь по Толстому; но обаяніе силы новаго слова и той безстрашной послѣдовательности въ исканіи истины, какую онъ одинъ только обнаружилъ, влекли и притягивали мое сердце, и я желалъ по-мальчишески плакать, бить себя въ бедра, кружиться и вообще какимъ-нибудь движеніемъ тѣла выразить свою радость предстоящаго свиданія.

Я почему-то вѣрилъ, что непременно увижу его, хотя зналъ хорошо, что онъ не выйдетъ къ намъ и не выглянетъ въ окно. Онъ былъ слишкомъ слабъ. Но я вѣрилъ...

Поѣздъ тихо, чуть-чуть вздрагивая на смычкахъ, подошелъ подъ край навѣса, и мы жадно зарыскали глазами по окнамъ и по площадкамъ вагоновъ, чтобъ увидѣть кого-нибудь изъ его домашнихъ или доктора и узнать, что это вагонъ—его. Прошли передъ нами тягучимъ караваномъ зеленыя, синія, желтыя клѣтки съ крышами и вентиляторами,—и ни признака его. Сыплютъ съ площадокъ

пассажиры съ узелками, съ чемоданами, дамы въ высокихъ шляпахъ... Суетятся носильщики... И ни признака его. Я сталъ тревожиться, точно-ли онъ здѣсь. Можетъ быть, ѣдетъ съ другимъ поѣздомъ. Вдругъ, вижу, что публика у того мѣста платформы, гдѣ стоитъ конецъ поѣзда, заволновалась и прильнула къ длинному, выкрашенному въ синій блестящій цвѣтъ салонъ-вагону. Я туда. Тискаюсь прямо, бокомъ, а когда и спиной поворачиваюсь... вспотѣлъ, покраснѣлъ... Добрался до площадки и вижу: чуть пріотворивъ дверь, стоитъ Софья Андреевна, — я сразу узналъ ее по портретамъ,—и ласково и значительно улыбается:

— Нельзя, господа! Ради Бога! Онъ никого не можетъ принять...

Напиравшіе на площадку отхлынули, давая дорогу сходящей со ступенекъ супругѣ великаго писателя.

У нея въ рукахъ были чашка и ложечка, и она озабоченно чего-то искала глазами.

Не знаю почему, но взгляды ея остановился на мнѣ.

— Если хотите видѣть Толстого,—съ какой-то и строгой, и мягкой улыбкой сказала она,—принесите ему чашку кофе. Вотъ!:

И передала мнѣ чашку и кредитный билетъ.

Я деньги отъ волненія уронилъ, прося товарища поднять и передать обратно графинъ, а самъ съ чашкой, счастливый и гордый, помчался, неся ее, какъ знамя, надъ головой и расталкивая запружившую дорогу толпу. Толпа сама послушно раздвигалась, и я шелъ между двумя стѣнами, какъ нѣкогда народъ между волнами по сухому руслу. И шумъ, и сдерживаемый ропотъ голосовъ, и легкое зыбленіе головъ и шляпокъ, въ самомъ дѣлѣ, напоминали волны и звуки моря.

Въ буфетѣ мнѣ быстро налили кофе, положили сахаръ; но я все-таки нѣсколько разъ успѣлъ сказать, что это кофе для Толстого, и рассчитавшись, двинулся осторожно въ путь. Какой-то официантъ во фракѣ и съ болтающимся полотенцемъ подъ мышкой подскочилъ и предложилъ свои услуги; но я посмотрѣлъ на него такъ, какъ Русланъ на Черномора, и, качаясь туловищемъ въ тактъ вмѣстѣ съ

чашкой, чтобъ не расплескать, уже двигался снова между двумя живыми стѣнами, какъ нѣкогда народъ между волнами.

Толпа на этотъ разъ подвигалась еще послушнѣе, и я видѣлъ, какъ многіе поднимались на цыпочкахъ, чтобъ заглянуть въ чашку. Но я держалъ ее высоко надъ головой, не давая заглядывать, чтобъ пронести кофе въ болѣе чистой атмосферѣ, и оттого, кажется, почти половину расплескалъ.

Софья Андреевна засмѣялась:

— Ну, все-таки кое-что принесли. Хорошо и это.

И первая поднялась на площадку, указывая мнѣ дорогу.

Ей вслѣдъ говорили:

— Нашу радость передайте!

— Пусть онъ скоро выздоровѣтъ!..

— Онъ долженъ жить для насъ!..

— Для всѣхъ!..

А мнѣ одна курсистка шепнула:

— Поцѣлуйте его!..

И рукой показала на лобъ.

Я млѣлъ, я горѣлъ отъ радости и восторга!

Я счастьемъ не вѣрилъ своему. „Вотъ онъ, мой святой!“ — почему-то сказалъ я себѣ и почувствовалъ такой приливъ молитвеннаго экстаза, такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ наполнилась душа!..

Я несъ какъ-бы двѣ чаши: въ одной напитокъ для него, а въ другой нектаръ очарованія и непостижимой радости отъ близости къ высокому. И я шелъ напряженно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, какъ бы притягиваемый къ чему-то двумя крѣпкими нитями.

Я не замѣтилъ, какъ я очутился въ вагонѣ у открытой двери купэ. Слышу, Софья Андреевна говоритъ кому-то:

— Левочка! Тебѣ студентъ кофе принесъ. Выпей!..

Я увидѣлъ его.

Онъ лежалъ на диванѣ головой къ окну и подпиралъ рукой свою свѣтившуюся, какъ мнѣ казалось, лучистую большую голову.

Кроткій, добрый, сіявшій лаской и теплотой, онъ улыбнулся глазами:

— Я радъ! Я радъ!

И приподнялся.

И, принимая лѣвой рукой у меня чашку, онъ правую подалъ мнѣ и поздоровался.

Теплая, мягкая и кроткая была рука его, та самая рука, которая столько написала великаго и безсмертнаго.

Меня охватило никогда не испытанное волненіе. Я почувствовалъ спазмы въ горлѣ, и изъ глазъ хлынули неудержимо одна за другой крупныя, свѣтлыя слезы.

Я нагнулся къ рукѣ, приложился губами—и чувствую, какъ онъ притягиваетъ къ себѣ мою голову и тоже цѣлуетъ ее.

— Вы передайте своимъ друзьямъ,—произнесъ онъ,— что хотѣлъ-бы теперь многое сказать имъ. Но не могу сейчасъ. Время гоненій скоро минетъ. Страна вздохнетъ... Не я, но вы увидите уже лучшую землю...

И онъ еще разъ притянулъ меня къ себѣ:

— Прощайте!..

Я выбѣжалъ изъ вагона, весь объятый жгучимъ пламенемъ пылавшаго во мнѣ восторга.

— Онъ привѣтствуетъ васъ!—крикнулъ я товарищамъ.

И сотни голосовъ съ неудержимой силой загремѣли:

— Ура-а!.. О!..

Плотину прорвало, и папоръ долго сдерживаемаго чувства быстро сказался бурнымъ потокомъ словъ, восхваленій и долго-долго гремѣвшимъ „ура“.

Многіе чувствовали, что „ура“—неподходящій возгласъ, и слышно было, какъ кое-гдѣ этотъ возгласъ замѣнялся другимъ.—„Слава духу!“—даже нѣкоторые кричали: „Спасибо!“ „Привѣтъ!“

Поѣздъ тихо задвигался впередъ...

О ВРАЧАХЪ

Разъ (это было лѣтомъ 901 года), когда рѣчь зашла о врачахъ и въ тонѣ собесѣдниковъ послышались хвалебныя нотки, Л. Н. мягко перебилъ апологета.

— Ахъ, не говорите! О врачахъ совсѣмъ-совсѣмъ не такъ надо думать. Оставимъ неуспѣшность лѣченія, предметъ всеобщихъ и давнишнихъ насмѣшекъ,—въ этомъ они еще не такъ виноваты, ибо, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать слабый человѣческій умъ въ постигновеніи тайны ослабленія жизни, когда онъ не знаетъ тайны самой жизни.

Ихъ главная вина въ другомъ. Они принизили духъ людей, поработивъ ихъ заботамъ о тѣлѣ. Развѣявъ по міру химеру здоровья, они заразили этой химерой души наши, пригнули ихъ долу, къ матеріи и матеріей заполонили мысль. Въ этой-то матеріализаціи сознанія и вся ничѣмъ не искупимая вина ихъ.

Въ началѣ, будучи слитой со жречествомъ, медицина не имѣла того-грубаго характера и голой заботы о чревѣ и его благополучіи. Всѣ постановленія ея, всѣ терапевтическія указанія были смѣшаны съ религіей и освящены велѣніями духа. И даже такое простое гигиеническое правило, какъ помните: „Если ты выйдешь за станъ твой, то возьми съ собой лопаточку, выкопай ямку и, сдѣлавъ нужду, засыпь землей“—даже такое простое, безхитростное правило чистоты, къ которому прибѣгаютъ кошки, напр., очень любящія чиститься, даже это правило, говорю я, освящается религіознымъ мотивомъ:

„Ибо, говорится, Господь твой, посѣщая станъ, не долженъ увидѣть мерзости“.

Какъ хотите, а такое объясненіе гигиеническихъ указаній выводитъ заботу о тѣлѣ за предѣлы грубой чревной заботы, знающей только свою утѣху—и больше ничего. Человѣческая мысль какъ бы приобщается даже въ самыхъ мелкихъ обиходныхъ случаяхъ къ тому высокому и чистому, которое одно облагораживаетъ и возвышаетъ нашу жизнь. Для Него дѣлать, для Него жить,—вотъ что надо всегда помнить и напоминать, ибо такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Забываютъ объ этомъ люди только въ сумракѣ души, въ потемкахъ духа. А врачи и медицина, освободившись изъ подъ вліянія жречества, вмѣсто того, чтобы работать съ тѣмъ же фонаремъ въ рукахъ и пробивать тунель мысли, задули фонарь и ввергли людей въ густую тьму.

Они теперь селятся занять мѣста жрецовъ и съ той же жреческой повадкой кругового захвата протискались во всѣ щели жизни нашей и руководятъ семьей, школой, государствомъ, и жестоко руководятъ, надо сказать. Пусть не скрываютъ! Это они толкнули на путь ранняго разврата нѣжную юность мужчинъ, уговоривъ ихъ и родителей ихъ, что мужчинѣ нужна ранняя связь, что иначе онъ будетъ раздражаться, что будутъ болѣзни и т. д. Это они устроили, освятили и постояннымъ наблюденіемъ и осмотромъ освящаютъ публичные дома и частную проституцію, эти наиболѣе ужасные очаги вырожденія человѣчества.

А институтъ кормилицъ, сманиваемыхъ и отрываемыхъ отъ своихъ дѣтей? А вытравленіе зачинающихся жизнью, а кастрація женщинъ, а эти резиновые приспособленія, шпоры, гребни и прочія безобразныя и дикія по своей гнусности средства для усиленія похоти и похотливыхъ радостей? Кто все это сдѣлалъ, кто всему этому научилъ и кто оправдываетъ все это будто-бы научными доводами и соображеніями, кто?—Они, все они. Кто напугалъ людей этими невидимыми вибріонами, какъ нѣкогда пугали невидимыми духами?

Они, все они. Они еще хуже шамановъ, хуже волхвовъ и кудесниковъ, у которыхъ хоть языкъ былъ съ волей небесною друженъ, и которымъ княжескій даръ былъ не нуженъ.

У этихъ же и языкъ въ разладѣ съ небомъ и княжескіе и даже некняжескіе дары очень соблазнительны. Они устроили дѣло такъ, что внушили людямъ твердую увѣренность, будто съ моментомъ смерти все кончается и человѣкъ превращается въ ничто и все спасеніе только въ томъ, чтобы удлинить это приближеніе къ пропасти, къ темному оврагу и, благодаря каплямъ и гигиеническимъ заклинаніямъ, замѣнившимъ амулеты и нашептыванія, держать людей крѣпко, какъ на привязи, и, сами слѣпые, ведутъ ослѣпленное человѣчество, не зная куда. Вотъ оно то дикое—сказочное: иди туда, не знамо куда, и принеси то, не знамо что.

Это краткое выраженіе глубокаго трагизма человѣчества, и въ этотъ трагизмъ ввергли людей шаманы нашего вѣка—врачи.

Вотъ почему я противъ нихъ, противъ ихъ ученія, противъ духа, противъ повадки ихъ—окарячить и овладѣть мыслью людей и править ими со всей неужержностью духовнаго властолюбія.

Это тотъ же клерикализмъ—съ его догматами, церковностью.

Нарождается вѣкъ новаго научнаго католицизма и, вы увидите, съ тѣми-же грядущими инквизиціями и склепами для невѣрующихъ; а застрѣльщиками этого католицизма выступаютъ врачи съ ихъ поработщающей гигиеной, ничтожной терапіей, хвастливой хирургіей и никчемной пустой санитаріей, сводящейся только къ изоляціи бѣдныхъ отъ богатыхъ.

Это служеніе богатымъ, сытымъ, властвующимъ такъ пронизало весь корпусъ медицины, такъ обезобразило и опошлило ее, что, напр., ну, пустякъ приведу, на вопросъ, чѣмъ чистить обои, они, не обинуясь отвѣчаютъ: мякишемъ хлѣба. И этотъ мякишь хлѣба вы встрѣтите во всѣхъ учебникахъ, руководствахъ и популярныхъ книжкахъ. Вы понимаете глубину цинизма этого совѣта?! Мякишь хлѣба!? Тотъ самый мякишь, котораго какъ манны ждуть въ деревняхъ и котораго лишены деревенскія дѣти, пухнуція съ голоду, этотъ самый мякишь, свернувъ въ катышки, будутъ водить по бархату обоевъ

сытыя руки отъѣвшихся и сманенныхъ изъ деревень дѣвокъ-горничныхъ или наемныхъ санитаровъ и будутъ вылавливать со стѣнъ какихъ то невидимыхъ козявокъ-бактерій и мизомитетовъ. Можно ли дойти до большаго кощунства? Только умъ, развращенный близостью къ „стану обогрязавшихъ руки въ крови“, можетъ придумать такое средство.

Здоровый же, чистый, честный умъ никогда и не подумаетъ о такомъ средствѣ, какъ не подумаетъ онъ и о томъ, чтобы лѣчить какую бы то ни было болѣзнь кровью зарѣзанныхъ дѣтей...

Л. Н. сильно волновался и широко шагаль по парку, въ сердцахъ постукивая самодѣльной, суковатой палочкой по старой, потрескавшейся корѣ высокихъ тѣнистыхъ липъ.

Передохнувъ, Л. Н. продолжалъ:

— Меня вопросъ этотъ сильно волнуетъ.

Я въ своихъ писаніяхъ мелькомъ и какъ бы ненарокомъ касался его, но мнѣ кажется, что настаетъ время и настало уже, когда этимъ вопросомъ надо заняться отдѣльно, и, если Богъ приведетъ, я посвящу ему особую работу... Въ ученіи XII апостоловъ, помните, которое мы съ вами когда-то штудировали, сказано: „всѣхъ любите, но однихъ обличайте, за другихъ молитесь, а третьихъ любите больше души своей... Друзей и идущихъ по одному пути надо любить больше души своей, за искренно желающихъ идти къ правдѣ, но по слабости падающихъ на пути, надо молиться и поддержать ихъ духъ, а тѣ, кто говорятъ, что они идутъ по пути къ правдѣ, но дѣлаютъ ложь и другихъ толкаютъ на этотъ путь—этихъ надо обличать. И таковы врачи. Посмотрите, напр., какъ они устроили свои отношенія—я ужъ не говорю, къ обществу, которыя отвратительны, ибо все здѣсь сводится къ платѣ и къ презрѣнію за эту плату; не говорю, къ народу, къ крестьянству, гдѣ чуть-чуть вспыхнетъ эпидемія, какъ уже ждуть толпового проявленія злобы и неприязни, но къ самимъ себѣ, между собой, ихъ собственныя дѣла устроены такъ, какъ ни въ одной изъ профессій.

Въ аптекахъ безсмѣнный и безсонный трудъ помощниковъ, дающихъ иногда ядъ вмѣсто невинныхъ солей и

жидкостей, и колоссальный непомерный процентъ барышей за монополію. Въ больницахъ, въ частной практикѣ взаимное подкапываніе, недоверіе и высмѣиваніе, служащее для другихъ лучшимъ доказательствомъ лжи, въ которой пребываетъ это сословіе.

А отношеніе ихъ къ непосредственнымъ своимъ помощникамъ, къ такъ называемымъ фельдшерамъ! Въдь объ этомъ можно томы писать.

Я знакомъ съ этой областью отчасти потому, что и дочь моя, Маша, занялась фельдшерствомъ и училась въ Москвѣ на курсахъ и потомъ тутъ работала въ деревнѣ, отчасти наблюдалъ и знаю другихъ, работающихъ фельдшерскую работу, и слышалъ и знаю о жизни этихъ труженниковъ по рассказамъ и обращеніямъ ко мнѣ самихъ докторовъ и фельдшеровъ; но и того, что я слышалъ и знаю, совершенно достаточно для того, чтобы писать обширный обвинительный актъ противъ нихъ.

Они умудрились красивую и милую саму-по себѣ фельдшерскую работу,—ибо нѣтъ ничего красивѣе и милѣе, какъ самому ухаживать за болящимъ, помогать ему и знать, какъ помогать ему, а фельдшера только это и дѣлаютъ,—такъ вотъ эту красивую хорошую работу врачи умудрились превратить въ адъ мученій для лицъ фельдшерскаго персонала. Богъ ихъ знаетъ, изъ какихъ соображеній, потому что одной корыстной конкуренціей нельзя объяснить всего того, что они дѣлаютъ, но врачи обратили фельдшеровъ въ паріевъ, въ рабовъ и издѣваются надъ ними въ тысячу разъ хуже, чѣмъ это замѣтно въ другихъ профессіяхъ, даже въ томъ жреческомъ сословіи, откуда врачи вышли. Діаконъ съ священникомъ—далеко не то, что фельдшеръ съ врачомъ.

Я знаю, напр., такой случай. Въ одномъ изъ южныхъ земствъ недавно назначенный земскій врачъ призываетъ къ себѣ работающихъ въ больничкѣ фельдшеровъ и акушерокъ и говоритъ имъ, держа въ рукѣ колокольчикъ.

— Вотъ, видите этотъ звоночекъ: если я позвоню—одинъ разъ, придетъ акушерка, если позвоню два раза—придетъ фельдшеръ изъ амбулаторіи, если три раза—явится фельдшеръ изъ палаты... Прошу помнить...

Ну, бываютъ ли такія унижительныя отношенія между священниками и діаконами? Никогда. Я даже не замѣчалъ такихъ грубыхъ отношеній между режиссерами и актерами; а ужъ на что много позволяютъ себѣ эти театралы, ибо они хорошо знаютъ, что актеръ помимо сцены ни на какое другое дѣло не годится и готовъ переносить всяческія униженія отъ перваго встрѣчнаго горлана, ставшаго главой антрепризы. Фельдшера-же, напротивъ, во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда, будутъ получать столько-же, если не больше платы и будутъ чувствовать себя лучше.

Я положительно удивляюсь той любви къ своему медицинскому дѣлу, какой охвачены фельдшера, рѣшающіеся переносить униженія и лишенія и все таки оставаться у своего дѣла.

Мнѣ рассказывалъ одинъ мой знакомый—милый, добрый и талантливый юноша, окончившій гимназію и побывавшій на какомъ-то факультетѣ, но бросившій университетъ и потомъ надумавшій посвятить себя фельдшерству. Онъ работалъ въ больницѣ, подготовился къ экзамену и, разумѣется, блестяще выдержалъ. И вотъ, когда получалъ свидѣтельство изъ больницы, къ нему подходитъ тщедушный юноша, жметъ руку и съ жалостью глядитъ ему въ лицо:

— Поздравляю! еще однимъ несчастнымъ членомъ больше въ нашей несчастной семьѣ... Я—тоже фельдшеръ.

— Вы вѣрите,—рассказывалъ мнѣ мой знакомый,—я рыдалъ, какъ ребенокъ. Мы обнялись съ тѣмъ фельдшеромъ, оба долго плакали. Потомъ, когда мнѣ пришлось самому работать и служить съ врачами и видѣть всю тяготу положенія,—я не разъ вспоминалъ слова того товарища. Да, мы дѣйствительно несчастны.

Или такой случай. Въ Полтавѣ милый, умный, уже почтенный пожилой человекъ, баринъ, занимавшій видный постъ, задумался надъ запросами души и рѣшилъ посвятить остатокъ дней полезной хорошей работѣ. Заняться земельной работой ему показалось не съ руки, и онъ рѣшилъ стать фельдшеромъ и лѣчить больныхъ деревенскихъ людей. Усердно онъ занимался и дежурилъ въ больницѣ, усердно проходилъ курсъ положенныхъ наукъ и по исте-

ченіи нѣсколькихъ лѣтъ прошелъ все, что надо, и отправился къ врачебному инспектору подать прошеніе о допущеніи къ экзамену.

Докторъ—инспекторъ разсмотрѣлъ бумаги, перевелъ глаза на подателя, потомъ опять посмотрѣлъ на бумаги и опять на подателя и, сложивъ руки на груди, спросилъ:
— Слушайте! Да какой чинъ на васъ?

Тотъ говоритъ:

— Я—статскій совѣтникъ.

— То то и я говорю. Я вижу по бумагамъ, что вы статскій совѣтникъ, и вдругъ вы рѣшаетесь вступить въ такое несчастное сословіе?!, Бросьте, батенька!..

И затанулъ дѣло надолго и такъ и не далъ ему дер-
жать экзамена.

Я знаю еще многихъ, которые съ охотой пошли бы на это трудное, но хорошее и полезное дѣло, но обликъ несчастія, который придали ему врачи, — гонить всѣхъ отъ этого дѣла, а тѣ, которые остаются и несутъ свой крестъ, положительно удивленія достойны, и я съ радостью вижу, что между ними дѣйствительно есть много людей съ нравственными запросами и стремленіями къ высокому.

Такъ вотъ, я спрашиваю: можно-ли простить врачамъ ихъ рабовладѣльческое, чисто крѣпостническое отношеніе къ фельдшерамъ?

И въ какихъ водахъ покаянія они могутъ омыть этотъ грѣхъ свой?

Они забыли секретъ той микстуры, о которой говорится въ старинномъ преданіи тѣхъ давнихъ временъ, когда врачи были не тѣ.

Въ старину, повѣствуетъ преданіе, — служилъ врачъ при дворѣ одного гнѣвнаго властителя.

И когда у властителя отъ злобы заболѣла печень и желчь разлилась по всему его тѣлу, врачъ кротко замѣтилъ:

— Уйми свой гнѣвъ, господинъ, и ты скоро выздоровѣешь.

Воспылало сердце властителя, и во гнѣвѣ своемъ онъ зоветъ слугъ и велитъ имъ снять съ врача дорогія, мягкія одежды, надѣть на него грубую, жесткую одежду узниковъ и ввергнуть въ темницу.

— Тамъ,—сказаль ему господинъ,—можешь проповѣди читать сколько угодно. Тебя всегда будутъ слушать четыре глухія стѣны.

Въ пищу назначиль ему корку хлѣба, ложку соли и кружку воды.

Привратникамъ же и стражамъ темницы онъ велѣлъ передавать всякое слово, какое они услышатъ отъ узника.

Прошло много времени и сколько ни спрашиваль властелинъ, что говорить врачъ, надзиратели съ грустью доносили:

— Ничего не говорить, государь! Молчить всё дни и ночи и часть пищи назадъ отдасть для бѣдныхъ.

Тогда царь шлетъ приказъ допустить къ нему родныхъ и друзей. „Съ ними,—думаль царь,—онъ навѣрное разговорится, и я уличу его и предамъ казни“.

И вотъ, когда родные и друзья пришли къ врачу въ темницу, они, думавшіе найти его въ печали и томленіи, были не мало изумлены его бодрымъ, свѣжимъ видомъ.

— Какой силою держитея духъ въ твоёмъ тѣлѣ?—спросили они у него.

— Я пью такую микстуру!—отвѣтилъ врачъ.—Я пилъ ее еще до узъ моихъ. Вы знаете ее. Она имѣеть въ себѣ три средства: кротость, прощенье и щедрость. Я всегда старался нуждающемуся отдать все, что могъ, я никогда не отходилъ ко сну, не простивъ прежде въ сердцѣ своемъ оскорбителей своихъ, и никогда не возвышался насчетъ униженія ближняго своего.

Этого-то послѣдняго средства нынѣшніе врачи совсѣмъ не знаютъ.

Богъ съ ними, я имъ не судья, конечно, но по чело-вѣческой слабости хотѣлось бы видѣть въ людяхъ „высокой профессіи“ и высокій духъ. Оттого я и говорю.

О ПРЕССѢ

Не задолго до юбилея, когда я былъ въ Ясной Полянѣ и рѣчь зашла о положеніи прессы, Л. Н. вздохнулъ:

— Да, да! Тяжелое время! Написалъ я на-дняхъ еще одну статью на острую тему. Она отправлена въ европейскія газеты и должна появиться завтра. Передана она и въ русскія редакціи, но, кажется, здѣсь будетъ заминка. Всѣ напуганы тѣмъ ливнемъ штрафовъ, который разразился надъ редакторами послѣ статьи о казняхъ. Мнѣ каждый день передаютъ все о новыхъ и новыхъ жертвахъ штрафного ливня и, знаете, оно начинаетъ производить впечатлѣніе, будто исполняется какая-то бюджетная статья. Нѣчто вродѣ таможенныхъ пошлинъ. Меня познакомили съ техникой взысканія этихъ штрафовъ, и я вижу, что они взыскиваются еще строже и неотступнѣе, чѣмъ пошлины въ таможенѣ. Приходятъ въ редакцію чинъ или чины, предъявляютъ письменное постановленіе о штрафѣ обыкновенно на сотни и тысячи рублей и требуютъ немедленной уплаты. Ждать не желаютъ не только дня, но и часа. Если нѣтъ, — пожалуйста въ тюрьму и пожалуйста тоже сейчасъ, немедленно. Бывали такіе случаи, напр., въ одномъ изъ южныхъ городовъ, когда какъ разъ во время обѣда пришли къ редактору небольшой газеты и предъявили бумажку объ оштрафованіи на 200 р. Онъ говоритъ:

— „Хорошо, завтра внесу“. — Нѣтъ, — отвѣчаютъ ему, — мы не вправѣ ждать. Потрудитесь слѣдовать за нами!“ Понялъ бѣдный редакторъ, что значитъ это: „слѣдовать“, сталъ искать денегъ, просить у домашнихъ, но на бѣду въ этотъ часъ въ домѣ не было такой суммы. Тогда онъ

береть свою чековую книжку и пишетъ на 200 р. чекъ въ банкъ, гдѣ имѣется его вкладъ на текущемъ счету, и вручаетъ чекъ чину. Но и чека не взяли, только наличную сумму пожалуйста. Вотъ чѣмъ страшна еще система штрафовъ. Теперь мнѣ сообщили объ оштрафованіи въ Одессѣ одного старика редактора. Дѣла газеты шли не бойко, кое-какъ сводились концы съ концами, а тутъ вдругъ грянулъ 1000 рублевый штрафъ за мою статью. Денегъ не оказалось. И вотъ этотъ старикъ, который уже мѣсяцами не выходилъ изъ дому, разслабленный, полупаралитикъ, былъ отведенъ въ тюрьму и заключенъ на цѣлый мѣсяць подъ замокъ, а газета на такой же срокъ закрыта.

Въ Херсонѣ тоже посадили редактора на мѣсяць, тоже въ Севастополѣ, въ Вяткѣ и еще, и еще въ разныхъ мѣстахъ. Слыхалъ я на своемъ вѣку много вещей, зналъ, видѣлъ и помню множество случаевъ цензурныхъ жестокостей въ прошломъ, но то, что дѣлается теперь, нѣтъ, такого я никогда не слышалъ, не видѣлъ и не помню.

И безъ того положеніе прессы печальное, и пишущіе въ ней люди тяжелымъ и нервнымъ трудомъ едва вырабатываютъ на жизнь, будучи всегда зависимы и придавлены денежной нуждой, что ужъ само по себѣ отражается на характерѣ и прямотѣ писаній, а тутъ еще, кромѣ этого своего, такъ сказать, обычнаго холоднаго компресса, жмутъ и давятъ особыми жимками и клинятъ до боли и крови несчастное тѣло прессы. За что, подумаешь, за какіе грѣхи?

Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ согласиться съ тѣмъ кошмарнымъ, которымъ страдаютъ только больные люди, видѣніемъ, будто пресса и только одна пресса съ ея редакціями и конторами взбудоражила страну и вызвала тотъ шквалъ народнаго настроенія, который пережила и переживаетъ страна до сихъ поръ.

Это все равно какъ обвинять эхо на полѣ битвы и считать его виновникомъ гула и сраженія. Или еще лучше. Мнѣ вспоминается такой примѣръ.

По теченію Днѣпра, да и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, понастроили люди сукновальни и мельницы на баркахъ.

Между барками колесо съ лопастями. Теченіе воды, ударяясь объ лопасти, вертитъ колесо, а колесо черезъ валъ и шестерню вертитъ всю машину, и работа идетъ.

И вотъ если бы кто нибудь, глядя на уходящую изъ подъ мельницъ воду, сказалъ бы себѣ, что Днѣпръ течетъ внизъ отъ того, что толщу его водъ гонятъ вертящіяся колеса мельницъ и въ безуміи своемъ, желая остановить теченіе рѣки, набросился бы съ яростью на колеса сукноваленъ, то такой безумецъ совершенно напомнилъ-бы тѣхъ, кто съ столь неудержимой свирѣпостью набрасывается на редакціи газетъ и журналовъ.

Какъ тѣ сукновальни и мельницы Днѣпра, газеты и журналы живы мощью сильнаго теченія жизни и только жизнь съ ея запросами и нуждами держитъ, кормитъ и двигаетъ всѣ эти сооруженія, а мы хотимъ остановить жизнь, ломая лопасти колесъ и обсыпая ихъ градомъ штрафовъ. Не безуміе ли это?

Одно изъ двухъ. Если пресса дѣйствительно держава и имѣетъ огромную силу и власть, то ужъ лучше заранѣе съ ней пойти на миръ, покуда не все еще „до послѣдняго кодранта“ утеряно въ жизни, а не сыпать пороховъ на огонь, думая этимъ тушить его. Но если, что гораздо вѣрнѣе, и ближе къ дѣйствительному положенію вещей,—пресса—только принятый людьми обычай гласнаго собесѣдованія и оповѣщенія новостей,—то дайте-же людямъ вести эту бесѣду въ мирѣ и совѣтѣ, а не зажимайте въ лещетку языкъ.

Не думайте, будто я говорю это потому, что дѣло коснулось моихъ статей, и оттого я близко принимаю къ сердцу это. Вы знаете, что я давно уже въ томъ положеніи, когда свои писанія прежде отправляю за Вержболово, и говорю равнѣе съ людьми не на томъ языкѣ, на которомъ пишу. Это уже старая, ноющая боль моя, къ которой я привыкъ, какъ привыкаютъ къ тѣсной, натирающей сверлящія мозоли, обуви. Случай съ статьями моими только лишній разъ, какъ блескъ вцѣхивающаго въ темнотѣ пламени, освѣтилъ печали прессы и ужасы того склепа, куда загнали ее теперъ.

На моей памяти пресса уже 2 раза ликовала и два раза опять попадаетъ въ плѣнь.

Первый разъ это было вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ.

Настала свобода печати, говорили объ всемъ, а потомъ имъ сказали: „пожалуйте!“ и захлопнули дверь. Почти 40 лѣтъ длился этотъ плѣнъ, отставшій по сроку только на 30 лѣтъ отъ перваго плѣненія библейскаго народа, но къ чести прессы, ея представители, какъ тѣ-же библейскіе плѣненные музыканты, рубили себѣ пальцы, лишь бы не играть въ увеселеніе плѣнителямъ. Пресса честно держалась и выдержала плѣнъ. Настало утро, двери раскрылись настежь—и снова свобода. Но снова не надолго.

Теперь второе плѣненіе и боюсь предсказать, не будетъ-ли оно такъ же длительно, какъ и второе плѣненіе библейскаго народа. Число „2“ имѣетъ въ себѣ какую-то таинственную силу. Не дай Богъ!

О ТЕАТРѢ

Недавно мнѣ пришлось бесѣдовать съ Л. Н. о театрѣ. Несмотря на прикованность свою къ клеенчатому креслу и частыя стрѣляющія боли въ забинтованной ногѣ, Л. Н. продолжаетъ живо всѣмъ интересоваться.

— Какія драмы! — сказалъ онъ. — Какія потрясающія драмы разыгрываются передъ нами, драмы народовъ, классовъ, сословій. А драмы личныя? Развѣ было когда-нибудь время, столь обильное ужасами страданія, взаимнаго истребленія? Вспомните только, что за эти три—четыре страшныхъ года прошло передъ нами!

Какой шумъ битвъ, буря возстаній и шкваль погромовъ съ грудями изуродованныхъ жизней на улицахъ, на поляхъ и на днѣ морей! А теперь, когда шумъ прошелъ, — сколько тихихъ казней, тихихъ самоубійствъ и тихихъ помѣшательствъ! И вотъ, несмотря на такое обиліе сюжетовъ, темъ, которыя на подобіе рыбы въ половодье сбились такъ, что хоть ходи по нимъ, — сцена оскудѣла. Нѣтъ пьесъ, нѣтъ трогательныхъ драмъ, нѣтъ трагедій, нѣтъ даже здороваго, веселаго репертуара, нѣтъ юмора... Можно подумать, что будто бы сцена и жизнь слѣплены изъ одного куска тѣста; и, когда больше удѣляется одной, то меньше достается на долю другой; будто онѣ размѣстились на двухъ чашкахъ вѣсовъ, и, когда одна подымается, другая настолько же опускается. Нѣтъ авторовъ. Нѣтъ мастеровъ. Они ушли, какъ ртуть уходитъ изъ колодца и такъ же, какъ ртуть увлекаетъ воду, такъ и они увлекли за собой и всю влагу драматической поэзіи. Колодезь сцены сухъ и на днѣ осталась только мутная клейкая жижа передѣлокъ.

Охъ, ужъ эти передѣлки! Конечно, съ голоду чего не выдумаешь, но мысль о передѣлкахъ чисто дѣтская мысль. Взять романъ или повѣсть и превратить ихъ въ пьесу—это совершенно вродѣ того, когда дѣти возьмутъ картинку, обрѣжутъ ножницами контуры, наклеятъ картинку на картонку и, приладивъ подставку, рады радешеньки. Стоит. Вышла статуя. Романъ и повѣсть—работа живописная, тамъ мастеръ водить кистью и кладетъ мазки на полотнѣ. Тамъ фоны, тѣни, переходные тона; а драма — область чисто скульптурная. Работать приходится рѣзцомъ и не класть мазки, а высѣкать рельефы. Какъ же можно повѣсть превратить въ пьесу? Картину никогда въ статую не превратите. Какъ нельзя статую превратить въ картину. Пришлось-бы ее раньше истолочь въ порошокъ, развести, а потомъ мѣсивомъ мазать на холстѣ.

Всю разницу между романомъ и драмой я понялъ, когда засѣлъ за свою „Власть Тьмы“. По началу приступилъ къ ней съ тѣми-же приемами романиста, которые были мнѣ болѣе привычны. Но уже послѣ первыхъ листиковъ увидѣлъ, что здѣсь дѣло не то. Здѣсь нельзя, напр., готовить моменты переживаній героевъ, нельзя заставлятъ ихъ думать на сценѣ, вспоминать, освѣщать ихъ характеръ отступленіями въ прошлое,—все это скучно, нудно и неестественно. Нужны уже готовые моменты. Передъ публикой должны быть уже оформленные состоянія души, принятыя рѣшенія... Только такіе рельефы души, такіе высѣченные образы въ взаимныхъ коллизіяхъ волнуютъ и трогаютъ зрителя.

А монологи и разные переходы съ картинками и тонами—отъ всего этого тошнить зрителя и онъ начинаетъ жалѣть, почему стулья не сдѣланы спинками къ сценѣ. Правда, и я не удержался, и я нѣсколько монологовъ вклеилъ въ „Власть тьмы“, но, вклеивая ихъ, я чувствовалъ, что дѣлаю не то. Трудно старому романисту удержаться отъ этого, какъ трудно бываетъ кучеру сдержатъ лошадей, когда съ горы напираетъ на нихъ тяжелый рыданъ. А передѣлочники—тѣмъ все равно. Помню свою досаду и боль, когда узналъ, что „Воскресеніе“ передѣлано.— Господи, думалъ я,—что они могутъ тамъ вылѣпить? Вѣдь

главная фигура, Нехлюдовъ, весь выписанъ,—вылизанъ, я бы сказалъ. Все внутри и рельефовъ нѣтъ. Нѣтъ виѣшной, видимой борьбы. Въ пьесѣ будетъ плоское лицо, какъ бываетъ плоско изображеніе мѣсяца на декоративномъ холстѣ. И все выйдетъ блѣдно, нудно. Наконецъ, самое центральное—моментъ его воскресенія, я чувствую, что онъ у меня и въ романѣ вышелъ тѣневатымъ, но тамъ еще я все-таки приложилъ всѣ старанія, чтобы подготовить, такъ сказать, постепенно воображеніе читателя. А въ пьесѣ-то, въ пьесѣ какъ это выйдетъ?

И потомъ, когда я прочелъ передѣлку, я увидѣлъ, что ничего и не вышло. Какая-то суетолока на сценѣ; люди выходятъ, уходятъ, снимаютъ и надѣваютъ одежду, но кто они, откуда они и что собрало ихъ сюда, этого не видно. И въ этомъ драма самой передѣлки. Въ этомъ трагедія ея.

Тоже и съ другими передѣлками изъ моихъ романовъ „Анна Каренина“ и др. Я, слава Богу, ни одной изъ нихъ не видѣлъ на сценѣ, но живо представляю себѣ, что это за шедевры вырѣзочнаго ремесла, какъ вѣрнѣе было-бы назвать работу перекраивателей. Прости имъ Господи!

НАКАНУНЪ ЮБИЛЕЯ

Я засталъ Льва Николаевича больнымъ. Онъ лежалъ наверху у себя въ кабинетѣ въ раскладномъ клеенчатомъ креслѣ, придвинутомъ спинкой къ стѣнѣ. Больная нога, вся забинтованная фланелью, покоилась, приподнятая, на маленькой подушкѣ.

Когда глаза наши встрѣтились, и Л. Н., должно быть, прочелъ въ нихъ тревогу, онъ улыбнулся свѣтлой, мягкой улыбкой и, указывая рукой на ногу, назвалъ свою болѣзнь по-французски:

— *Varices*...—и пошевелилъ обѣими ногами, какъ бы показывая, что ноги въ полномъ послушаніи.

— Это не та нога,—продолжалъ онъ,—которая, помните, въ первый годъ нашего знакомства тоже разболѣлась. То была правая нога... и какъ давно это было. Какъ много пережито! Оттого мнѣ и кажется, что такъ давно это было, хотя 23 года срокъ во всякомъ случаѣ большой. Помню свое состояніе тогда. Боли тоже не были страшны: я переносилъ ихъ легко и даже въ душѣ гордился, что заболѣлъ ногой послѣ трудовъ на покое; болѣзнь не пугала, ибо зналъ, что долго не протянется въ ту или другую сторону; не страшился я и смерти, ибо я тогда уже вѣрилъ въ жизнь и непрекращаемость ея; но теперь только, вспоминая и сравнивая свое внутреннее чувство, я вижу, что тогда нѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ жуткое ощущеніе страха предъ чѣмъ-то таинственнымъ, надвигающимся на тебя, какъ огромная, опрокинутая воронка, которая поглотить и унести тебя. Я чего-то боялся все-таки и страхъ смерти мнѣ не былъ окончательно чуждъ. Была-ли то неизжитость жизни, сожалѣніе о недодѣланномъ, печаль о

прерываемой работѣ души и уносимой съ собой грѣховности, или это просто былъ животный, идоложертвенный страхъ кончины, но вѣрно то, что это былъ все-таки страхъ смерти. Это былъ все тотъ же знакомый, старый трепеть, который особенно мнѣ сталъ знакомъ, когда я, придя въ отчаяніе, хотѣлъ задавить себя шнуркомъ халата и съ ужасомъ поглядывалъ на перекладину между шкафами въ кабинетѣ. И судороги этого трепета еще долго мучили меня.

Теперь же я вотъ лежу и гляжу на себя, смотрю на свое тѣло, на эту ногу, окрученную зачѣмъ-то косыми турами узкой фланели, на грудь, на бороду, вижу руки свои и знаю, что ужъ навѣрное скоро, скоро перестану смотрѣть на это и уйду отъ всего того, что называлъ своимъ, т. е., перестану жить, дышать, говорить и думать о солнцѣ, о небѣ, о новыхъ писаніяхъ; я знаю, вижу и увѣренъ, что умру,—и ни тѣни страха. Вѣрите, такъ легко, такъ радостно и близко мнѣ кажется то, куда я уйду, что вотъ такъ вотъ бы сложилъ руки, закрылъ бы глаза и окунулся бы въ вѣчность. Такъ хорошо! Такъ легко! Это не старческое кокетство, вѣрите, это глубокое и настоящее мое чувство.

Видю, что вы хотите мнѣ возразить, и знаю, что вы скажете. Вы вѣрно думаете: „Отъ хорошей жизни съ радостью не уходить“. Я самъ ловилъ себя на этой мысли не разъ и тоже говорилъ себѣ, не есть-ли моя готовность къ смерти, какъ къ какому-то празднику, не есть-ли это изнанка отчаянія и тотъ эффектный уходъ, который устраиваютъ себѣ иногда артисты, очутившіеся въ трудномъ положеніи на сценѣ; говорилъ это себѣ и перебиралъ всю дѣйствительную тяготу своей жизни, которая тяжелить и давить мою душу, вы знаете это, уже давно; но въ концѣ, углубившись въ себя, я необманно видѣлъ, что нѣтъ, не отчаяніе порождаетъ мое радостное ожиданіе смерти.

Тяжелая ноша моей трудной жизни и та огромная внутренняя борьба съ тѣмъ, чтобы свести свой балансъ передъ людьми и казаться имъ исполнителемъ человѣческой праведности, не сломила меня.

Уйти отъ семьи, отъ барскихъ условій жизни,—это для меня теперь не только не представляетъ трудности, но

трудно удержаться отъ того, чтобы не сдѣлать этого. Но, сдѣлавъ это, я не сдѣлалъ бы того, чего желаетъ отъ меня Богъ, заставшій меня именно въ этихъ тяжелыхъ для души условіяхъ. И я поборолъ въ себѣ это желаніе сбалансировать передъ міромъ свою жизнь и не испытываю отчаянія. Тщеславіе уступило мѣсто близкому, радостному общенію съ нимъ, и я теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, постигъ великій смыслъ великихъ словъ Христа: „И Богъ Твой, видящій тайное“. Здѣсь все глубоко. Глубоко то, что сказано „Богъ Твой“, ибо только тотъ Богъ, котораго ты начинаешь чувствовать, есть истинный Богъ, а не бездушное нѣчто, разлитое въ чѣмъ-то;—потомъ конечно глубоко это: „видящій тайное“. Надо пережить это, чтобъ оцѣнить величіе этихъ словъ. И вотъ, говорю вамъ: только изъ любви къ этому глубокому и изъ сознанія претворенія передъ нимъ всего, что было тайно въ тебѣ, я радуюсь свѣту, проникшему въ мою душу, и конечно счастливъ, что иду къ этому свѣту. И еще разъ повторяю: Такъ хорошо! Такъ легко!..

Л. Н. закрылъ глаза и полежалъ съ минуту такъ.

Его обрамленная бѣлой-бѣлой сѣдиной голова съ вѣнчикомъ мягкихъ, вьющихся вокругъ голаго темени, волосъ слегка откинулась назадъ, и лицо, свѣтлое, чистое, казалось, все устремлено было вверхъ, и теперь шла съ Кѣмъ-то великая, волнующая и озаряющая его бесѣда.

Лицо Льва Николаевича поражаетъ теперь всѣхъ близкихъ къ нему и знающихъ его давно людей своей необыкновенной просвѣтленностью. Оно сіяетъ, оно свѣтится насквозь. И свѣтъ этотъ такой тихій, мягкій, проникающій. Лучистая одухотворенность.

Когда онъ открылъ глаза, онъ улыбнулся и заговорилъ о своихъ работахъ.

— Не перестаю. Одна другую захватываетъ. Но больше всего занятъ „Кругомъ чтенія“. Вы слѣдите, вѣроятно, за этой книгой? Она печатается, вновь перерабатывается и вновь печатается. Вношу въ нее всѣ мои переживанія, все для меня самое дорогое и, если хотите, сокровенное, чего я до сихъ поръ въ другихъ своихъ писаніяхъ не касался. И что-то намѣренно оставлялъ на послѣдокъ, а, можетъ

быть, потому, что не зналъ и не могъ раньше докопаться до этого сокровеннаго въ себѣ. Теперь эта работа дѣлается легко и я радъ—радъ занести на письмѣ все это. Чувствую, что это ужь послѣдняя моя работа, и хочется придать ей характеръ тихой, замирающей бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ. И я радъ, если эту книгу теперь читають. Я еще ни одну свою вещь не любилъ такъ заботливо и такъ ревниво, какъ эту. Этотъ „Кругъ чтенія“—это Веніаминъ моихъ писаній.

Когда я писалъ послѣднюю статью («Не могу молчать»), со мной три раза обмороки были,—два раза въ періодѣ писанія, и одинъ разъ уже, когда кончилъ. Эти обмороки и слѣдовавшія за ними пробужденія были для меня, какъ это было, вообще, за послѣдній годъ, когда обмороки почему-то стали часто посѣщать меня,—въ высшей степени поучительными. Что-то закружится, подхватить, засверлить, завертеть тобой, и сразу ничего нѣтъ. Темно. Глубоко. Но, представьте продолжаешь чувствовать и съ особенной яркостью чувствовать близость къ Нему. И въ этой радостной близости просыпаешься. И такъ хорошъ тогда міръ. Этотъ клочекъ неба, видный въ окно, эти лица стоящихъ вокругъ тебя и хлопочущихъ съ такой добротой и тревогой.. И я думаю: если такъ блаженъ одинъ мигъ близости къ Нему, то каково же должно быть, когда совсѣмъ уйдешь туда? И я туда рвусь.

Еще думаю: если я напряженной работой мысли и усиліями сознанія дохожу до признанія Его и необходимости жить для Него, то въ этомъ я еще не вижу для себя чего-то прочнаго, укрѣпившагося.

Усилія сознанія, какъ пластинка негатива, поглощаютъ образъ и отпечатлѣваютъ его при свѣтѣ лучей. Но закрѣпить, утвердить и считать его постояннымъ можно только тогда, когда пластинку эту переносятъ въ темную комнату и тамъ закрѣпляютъ полученный образъ. Такъ и въ темнотѣ сознанія. Если я тогда чувствую Его образъ, значитъ Онъ дѣйствительно сидитъ во мнѣ и закрѣпленъ навсегда. Религіозное чувство, и чувство любви, вообще, зарождается, отпечатлѣвается въ душѣ у насъ при свѣтѣ сознанія, при работѣ разума; но выражается и дѣлается дѣйствительнымъ сокровищемъ нашимъ тогда, когда и въ минуты заб-

венія мы тоже съ нимъ. Тогда оно дѣлается крѣпкимъ. Это законъ свѣтописи. И всякій, имѣющій дѣло со свѣтомъ духовнымъ, тоже знаетъ это и знаетъ, что съ закрѣпленнымъ образомъ Его въ душѣ не страшны никакія муки, если бы даже эти муки причинили временное забытье и застлали бы зеркало сознанія...

О ДУМЪ

Мы заговорили со Львомъ Николаевичемъ о Государственномъ Совѣтѣ.

— Есть у меня тамъ знакомые,—сказаль Л. Н.—Вотъ, напр., гр. Олсуфьевъ. Вы, вѣроятно, замѣтили его и слышали его рѣчи. Мнѣ кажется, что онъ долженъ стоять за настоящія нужды народныя и смотрѣть широко на вещи.

Насколько я его знаю, онъ человѣкъ прямой, очень отзывчивый и чуткій къ правдивому. Если только въ Совѣтѣ подходящее поприще и, если отъ работы Совѣта можетъ зависѣть хоть небольшое улучшение жизни, то голосъ Олсуфьева, должно быть, не можетъ затеряться, и онъ многое долженъ вносить.

Есть у меня еще одинъ знакомый тамъ,—вы знаете и помните его, вѣроятно, по Ясной Полянѣ. Это—Мих. Ал. Стаховичъ. Слышаль, что онъ произноситъ прекрасныя рѣчи въ Совѣтѣ и имѣетъ успѣхъ. Очень искренній и милый человѣкъ. Онъ не разъ высказываль мнѣ сожалѣніе, почему я не членъ Государственной Думы.

Онъ думаетъ, что для меня было бы самое подходящее мѣсто на трибунѣ въ Таврическомъ дворцѣ.

Смѣшно. Что бы я тамъ могъ дѣлать? Не потому я говорю это, что въ самомнѣніи считаю высшей свою трибуну писателя, котораго слышать и знаютъ читающіе люди, нѣтъ, совсѣмъ не потому. А просто то положеніе, которое занимаетъ теперь наша Дума, до того ничтожно и до того нисколько не мѣняетъ характера прежнихъ департаментскихъ работъ, что привсемъ усиліи воображенія я не могу представить себѣ, на какой плоскости мы могли

бы сойтись съ тѣми политиками, которые собрали эту Думу, и съ тѣми политиками, которые вошли въ нее?

О чемъ мы могли бы толковать, и о какихъ улучшенияхъ жизни могла бы идти рѣчь, когда главные устои реформъ—или нарочито игнорируются или трактуются такъ, что лучше бы не слышать этого людямъ, привыкшимъ считать, что мы живемъ все-таки въ христіанской странѣ.

Я вовсе не страдаю тѣмъ аполитизмомъ, которымъ любить меня колоть нѣкоторые, я готовъ дѣлать всякое, хотя и маленькое дѣло для улучшенія жизни людей, и хорошо помню тѣ чувства, и то состояніе, которое я переживалъ, когда былъ мировымъ посредникомъ, учителемъ, когда работалъ на голодѣ. Трудно не дѣлать дѣла для людей и удержаться отъ него, когда видишь, что оно нужно, какъ нужно таскать воду и разбирать крыши на пожарѣ. Я понимаю даже чувство человѣка, идущаго для блага другого хлопотать объ участи его передъ сильнымъ политикомъ, у котораго въ рукахъ ключи отъ дубовыхъ дверей, и понимаю, и самъ не разъ дѣлалъ это; и о такой „политикѣ“ рѣчи быть не можетъ.

Но когда вамъ говорятъ: садитесь и издавайте законы, но... и тутъ обставляютъ ваше занятіе такими „но“, что все, что вы ни сказали и ни сдѣлали бы, будетъ такъ перекручено и перевернуто, что все будетъ такъ, какъ этого другіе желаютъ; когда вамъ „законодателямъ“ поворачиваютъ голову и говорятъ: „сюда смотрите, а сюда нѣтъ“, и когда, наконецъ, въ законодатели зовутъ тѣхъ, кто спитъ и видитъ старыя конюшни, когда я все это вижу и слышу и слышалъ, что это называется конституціей и парламентомъ, я говорю: ради-Бога, увольте! Это та же плетка, только обернутая другимъ концомъ.

Мнѣ рассказывали, что въ Одессѣ ретивые опекатели жизни издали новый законъ въ защиту лошадей. Ни извозчики, ни кучера на конкахъ не могутъ имѣть кнутовъ. Иначе штрафъ и арестъ, какъ редакторамъ, 3 тысячи и 3 мѣсяца. Тогда люди ухитрились. Они сняли кнуты съ кнUTOвища, придѣлали къ ремешку еще нѣсколько ремешковъ и этотъ толстый жгутикъ привязали къ концу возжей,

который у нихъ въ рукахъ и немилосердно хлещутъ теперь тѣхъ же клячъ еще больше и еще жесточе. И никто не видитъ, ибо кнутовъ нѣтъ.

Такъ и съ нашей и со многими другими конституціями. Я и не хочу поэтому быть конституціоннымъ кучеромъ.

Только что были у меня корреспонденты иностранныхъ газетъ,—одинъ изъ Англій, другой изъ Америки. Все время интересовались моими взглядами, именно, на конституцію и ближайшее будущее въ Россіи.

Я имъ сказалъ почти то же, о чемъ сейчасъ съ вами говорю, но кромѣ того, упомянулъ и о другой сторонѣ дѣла. Эта мягкая, гибкая и какъ бы разваренная конституція наша слаба и не хороша еще тѣмъ, что при всей незначительности и гадательности своей крохотной, якобы „созидательной“ работы, вся ея дѣятельность и дѣятельность участвующихъ въ ней людей есть и косвенное и прямое оправданіе существующаго укрѣпленіе его и, такъ сказать, утрамбовываніе. Кто-то взялъ Думу, какъ берутъ камешки трамбовую колоду за ручку и трамбуетъ ею старый порядокъ.

Всѣмъ говорятъ: видите и представители народа такъ желаютъ.

Между тѣмъ, надо быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не видѣть и не слышать зарождающагося новаго сознанія среди людей. Надъ нами исполнились слова евангелія, что мы лицо земли и неба познавать умѣемъ, а времени сего по себѣ не узнаемъ.. Мы не чутки, мы оглушены. А жизнь загорается новымъ, сильнымъ свѣтомъ и не только у насъ въ маленькой, отмежеванной войнами части земли, но на всемъ большомъ просторѣ міра идетъ немолчное и страстное стремленіе къ новой жизни безъ всякаго насилія, безъ всякихъ регламентовъ и указокъ, поработающихъ людей не духу, а плоти.

Уже дополнена мѣра отцовъ, и духъ людей истосковался о другомъ... И это другое уже наступаетъ, и рожденію этого другого мы должны посвятить свои силы. Я близокъ къ смерти и мнѣ нѣтъ надобности что-нибудь скрывать изъ своихъ мыслей, и говорю вамъ: Мы живемъ въ великій ка-

нунѣ. Я полонъ предчувствія о пришествіи новой жизни— радостной, трудовой, счастливой, въ любви, свѣтъ, мирѣ... И жизнь эта потокомъ залетѣтъ ручей и мелкой политики, какъ заливаютъ вешнія воды мелкія ручейки, лощины, поглощая и унося ихъ съ собою въ рѣки, въ море, въ океанъ.

АКАДЕМІЯ ПРАВСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Къ 2 часамъ дня въ Ясную Поляну пришелъ низенькій, черный, истощенный интеллигентъ въ тепломъ пальто. Его черная, широкая, легшая волнами борода обрамляла и затѣняла худое, изможденное лицо съ двумя горящими угольками въ орбитахъ. Онъ усталъ отъ ходьбы, но бодрился и волновался въ ожиданіи встрѣчи, ради которой онъ прибылъ съ далекаго юга.

Я видѣлъ его утромъ у В. Г. Черткова, въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной, куда онъ заходилъ справляться, какъ и когда можно увидѣть Льва Николаевича, и тутъ же, встрѣтивъ одного стараго своего знакомаго, онъ сталъ съ жаромъ и съ выступившими на щекахъ розовыми пятнами развивать дорогую для него мысль, которая пригнала его сюда за 2,000 верстъ.

— Видите-ли, — началъ онъ, часто кашляя и хватаясь за грудь, — я считаю, что никто еще не далъ прямого и несомнѣнно-практическаго указанія, какъ чествовать юбилей Толстого... Вы не перебивайте, ради Бога, не говорите, что Толстой отказался отъ юбилея и поэтому ничего ужъ не надо дѣлать. Боже сохрани! Это было бы ужаснымъ, дикимъ самоубійствомъ для всей Россіи, для всего народа нашего, которому выпало счастье имѣть такого великаго сына. И вотъ, я думаю, что ничего лучшаго нельзя было бы предложить, какъ основаніе такого учрежденія, гдѣ люди посвятили бы всѣ силы свои, всю жизнь свою на уясненіе и распространеніе въ народѣ нравственныхъ началъ жизни. Я говорю объ академіи нравственныхъ наукъ. Я подчеркиваю это слово *наукъ*, потому, что всѣ мы, работавшіе надъ собой люди, хорошо знаемъ силу научнаго

мышленія. Не всё мы пришли къ истинѣ путемъ непосредственнаго религіознаго откровенія, наоборотъ, только усилія мысли и правильное научное освѣщеніе вопросовъ жизни, увели насъ отъ берега язычества и привели къ берегу христіанства.

Если бы было такое постоянное научное учрежденіе, гдѣ все, что касается нравственности, было бы сосредоточено, оформлено и уяснено. О! какой бы это былъ маякъ для человѣчества и источникъ возрожденія духовнаго! Это былъ бы тотъ же пастеровскій институтъ въ области морали. Какъ врачи пастеровскаго института лѣчатъ укушенныхъ бѣшенными животными, такъ академія нравственныхъ наукъ, въ лицѣ своихъ выдающихся дѣятелей, излѣчивала бы людей, укушенныхъ безуміемъ вѣка нашего, безуміемъ не менѣе страшнымъ и разрушительнымъ, чѣмъ само бѣшенство. Я написалъ объ этомъ книгу и послалъ ее Льву Николаевичу. Онъ прочелъ и отвѣтилъ ласковымъ письмомъ, пригласивъ къ нему пріѣхать для бесѣды. Вотъ я и пріѣхалъ.

Когда Льву Николаевичу доложили, что пришелъ авторъ проекта академіи нравственныхъ наукъ, Сѣверинъ, онъ тотчасъ попросилъ его къ себѣ и, послѣ краткаго напоминанія главныхъ мѣстъ книги, Л. Н. оживился и сказалъ:

— Да, да! Помню, помню и очень заинтересовался вашимъ предложеніемъ. Этотъ юбилей мой, о которомъ такъ много шумѣли, а теперь, кажется, слава Богу, перестали шумѣть, и который, право же, не заслуживаетъ того, чтобъ о немъ такъ много говорили,—этотъ юбилей вызвалъ много разныхъ проектовъ и предложеній.

Если бы всё ихъ осуществить, то получилась бы странная мозаика разнообразныхъ стилей, одинъ другому противорѣчащихъ и одинъ другой уничтожающихъ, помимо того, что не хватило бы средствъ и силъ для осуществленія всего наговореннаго. Академія же нравственныхъ наукъ мнѣ нравится. Это въ самомъ дѣлѣ что-то опредѣленное, ясное и выситя, какъ хорошая, чистая, изваянная работа среди груды обрывковъ и недодѣланныхъ эскизовъ. — Конечно, въ жизни прибавилось бы еще однимъ крупнымъ источникомъ свѣта, если бы люди мысли и чистой вѣры

посвятили бы свои труды уясненію и распространенію истины. Даже одной работы уясненія было бы достаточно, ибо, повѣрьте, сила продуманной и вѣрной и, главное, осуществляемой въ собственной жизни мысли такъ велика, что о ней быстро узнаютъ и люди льнутъ, и тянутся къ ней, какъ тянутся стебельки въ ущельяхъ къ проникающимъ лучамъ. И иногда даже нарочито придуманные и организованные способы распространенія истины ведутъ къ умаленію распространяемаго, какъ умалется содержаніе и сила статьи подъ рукой редактора, измышляющаго способы ускользнуть отъ цензуры и ея скорпіоновъ. Онъ тоже дѣлаетъ въ цѣляхъ распространенія, но выпускается въ свѣтъ уже не статья, а жмыхи. Вотъ почему я говорю, что въ работѣ мысли прежде всего важно и дорого уясненіе, какъ важна шлифовка и чистота въ зеркальной работѣ. А будетъ ясна мысль, тогда, вѣрьте, люди возьмутъ ее и она станетъ частью жизни. И предлагаемая вами академія этимъ и была бы хороша. Она была бы той большой шлифовальной мастерской, гдѣ обрабатывалось бы стекло религиозныхъ истинъ. Людямъ нужна такая академія и я всей душой стою за этотъ планъ. Боюсь только, что теперь ваше предложеніе врядъ-ли увидитъ жизнь. Люди такъ влюблены въ свои отдѣльныя маленькія мысли, такъ онѣ имъ дороги и милы, что тѣ, которые могли бы взяться за это дѣло, подъ разными предлогами откажутся и будутъ рекомендовать свои предложенія. Вотъ увидите. Я не хочу быть предсказателемъ дурного, но почему-то чувствуется, что оно будетъ именно такъ. И время теперь ужасное, и люди повернуты, сердцами не туда... А, впрочемъ, знаніе сроковъ намъ не дано,—и духъ дышетъ, гдѣ хочетъ и когда хочетъ. Будемъ уповать!

Потомъ Л. Н. сталъ разспрашивать г. Сѣверина о его семейномъ положеніи, о его занятіяхъ и, узнавъ, что онъ завѣдываетъ рудничной больничкой, въ качествѣ фельдшера, былъ очень тронутъ:

— Вы знаете,—сказалъ онъ,—это ужъ третій случай, когда ко мнѣ обращаются люди вашей профессіи и все люди прекрасные, умные и съ большими запросами духа. Помню Задеру съ его хорошей и дѣльной книгой, помню

также милого Б. Онъ уже умеръ теперь; такой милый чудный юноша и съ большимъ дарованіемъ.

А теперь вотъ вы,—не примите за комплиментъ, тоже... Вообще, съ удовольствіемъ замѣчаю, что среди фельдшеровъ чувствуется подъемъ нравственныхъ запросовъ, что, къ сожалѣнію, не такъ замѣчается среди врачей.—Очень, очень радъ былъ васъ видѣть!.

И очарованный, и взволнованный Сѣверинъ, сойдя внизъ въ старый кабинетъ Л. Н., дѣлился впечатлѣніями бесѣды съ бывшими тамъ посѣтителями и секретаремъ Л. Н.

— Теперь я ѣду еще къ Евг. Ник. Трубецкому. И онъ приметъ участіе въ академіи. Я увѣренъ въ этомъ. Надо двинуть дѣло. Боже, какъ людямъ нуженъ свѣтъ!

Секретарь подошелъ къ шкапу, вынулъ оттуда нѣсколько книжекъ посредниковаго изданія и передалъ ихъ Сѣверину.

Тотъ, краснѣя и переминаясь съ ноги на ногу, сталъ въ неловкихъ и обрывающихся выраженіяхъ предлагать плату за книжки.

Но секретарь шутливо замѣтилъ:

— Нѣтъ, вы-жъ не какой-нибудь крезъ!

Сѣверинъ поправилъ сползавшее съ плечъ старое ватное пальто, искоса посмотрѣлъ на него, и улыбнулся:

— Да, это вѣрно. Я—не какой-нибудь крезъ...

И, расцѣловавшись съ секретаремъ, зашагалъ по широкой березовой аллеѣ, уже издавшей на своемъ вѣку столько людей, столько посѣтителей Ясной Поляны...

Кто знаетъ, если дѣйствительно суждено быть этой академіи, и она будетъ въ Ясной Полянѣ, то имя этого маленькаго чернобородаго человѣка, которому пришла эта мысль, не разъ будетъ упоминаться здѣсь, и эта же аллея увидитъ ряды новыхъ академиковъ и кадры ихъ новыхъ посѣтителей...

ВЕСНА ЖИЗНИ

Мы работали съ Л. Н. въ старомъ саду, распахивая подъ посѣвъ землю между деревьями, далеко посаженными другъ отъ друга.

Л. Н. старательно и съ большимъ умѣньемъ опытнаго и стараго пахаря объѣзжалъ сохой мѣста близко отъ дерева и ловко, съ чисто-юношеской гибкостью, гнулся подъ, вѣтвями низкихъ яблонь, уже пускавшихъ ароматныя клейкія почки.

Пахло весной.

— Нѣтъ, вы прислушайтесь,—сказалъ Л. Н., когда мы присѣли отдохнуть на межѣ у дороги,—прислушайтесь къ этой немолчной работѣ жизни, какая здѣсь идетъ во всѣхъ углахъ и впадинахъ.

И Л. Н. чутко насторожился.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ онъ,—будто я сижу и чувствую движеніе соковъ, тянущихся тонкими струйками по мочкамъ и корнямъ къ стволу, вѣтвямъ и почкамъ. Я чувствую, какъ земля внизу, оттаивая, шлетъ свои пары кверху и дышетъ и вздыхаетъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ послѣ долгаго, тяжелаго сна. Это не метафора, не уподобленіе, а такъ оно и есть. Земля живетъ несомнѣнной, живой, теплой жизнью, какъ и всѣ мы, взятые отъ земли. И наоборотъ. Вотъ этотъ садъ. Развѣ жизнь наша теперь не тотъ же старый садъ, учуявшій весну. Помните, какъ у Христа великолѣпно сказано: „Отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знайте, что близко лѣто“. Близка, близка уже жизнь иная. Смоковница жизни уже набухла и вѣтви ея мягки и пускаютъ листья. Въ людяхъ проснулась теперь

жажда обновленія,—и къ новой жизни они идутъ, какъ текутъ ручьи съ горъ послѣ весенней росы. И не говорите, что вѣдь было же христіанство 2000 лѣтъ тому назадъ, и люди слышали о немъ и знали, а въ жизнь не претворили,—не говорите. Христіанство пришло въ жизнь такъ же, какъ сѣютъ озимый хлѣбъ. Было брошено сѣмя на вспаханную почву, сѣмя взопло, поле покрылось зеленымъ ковромъ и радовало глазъ. Но вскорѣ дохнула зима, и бѣлый саванъ застлалъ зеленую ниву и скрылъ ростки. Настала долгая зима. Пошли вѣка суевѣрій, рабства, угнетенія духа. Замерло христіанство, и властный призывъ его къ жизни заглохъ подъ грудой уставности, догматизма и гоненія на слово. Но все до времени. Саванъ смерти свился и исчезъ въ синевѣ утра, и люди, какъ встарь, чуютъ соки жизни и тянутся къ свѣту добра.—И вотъ-вотъ заколышется нива жизни тучнымъ колосомъ любви и мира, и радостная пора обильной жатвы уже виднѣется впереди. Какъ Онъ и говорилъ. Весна пришла.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и Н. Н. ГЕ

Необыкновенно теплой, нѣжной, братской любовью любилъ Левъ Николаевичъ покойнаго художника Ге, „нашего милаго профессора“, какъ его всѣ называли въ Ясной Полянѣ.

— Вѣрите ли,—говорилъ о немъ Левъ Николаевичъ:— когда онъ сидитъ около меня и, склонившись, кладетъ свою голову на мое плечо, и, вздрагивая, гладитъ мою руку, отъ него такой тихой, кроткой близостью вѣетъ, и такъ мнѣ больно и досадно на себя, что я вовсе не такой, чтобъ заслужить его любовь, и такъ хочется тогда быть лучше, больше, выше... Какъ онъ умѣетъ постигать, какъ онъ умѣетъ понимать незримые извивы души и безподобно угадываетъ въ произведеніи то, что ускользаетъ для другихъ и остается неяснымъ и темнымъ даже для самаго пишущаго. Я испыталъ это на себѣ и вижу на тѣхъ иллюстраціяхъ, какія онъ сдѣлалъ къ моимъ книжкамъ, въ особенности къ «Чѣмъ люди живы?» Этотъ Михайла, три раза улыбнувшійся и потомъ свѣтлѣющей и уносящейся вверхъ,—это чудно выписано и съ дивнымъ проникновеніемъ выполнено. Теперь онъ взялся иллюстрировать евангеліе, какъ оно изложено у меня. Онъ показалъ мнѣ свои первые эскизы.. Работаетъ онъ углемъ и удивительно быстро набрасываетъ картину. Онъ дошелъ уже до IV-ой главы и изобразилъ тотъ моментъ, когда Христось, поборовъ искушеніе, возвращается изъ пустыни. Въ евангеліи объ этомъ говорится: «И возвратился Іисусъ въ силѣ духа». И вотъ надо видѣть это лицо, изображающее силу духа. Я не могъ оторваться отъ рисунка. Онъ весь свѣтился и пронизывалъ лучами мою душу. Вотъ Христось. Я такого

Христа никогда не видѣлъ. У всѣхъ художниковъ. Онъ выходитъ разнo, и ни одинъ образъ Его не рождаетъ впечатлѣнія объ истинномъ величїи и той всепокоряющей силѣ, съ какой Онъ завоевывалъ сердца всѣхъ и преображалъ своихъ послѣдователей и учениковъ. Смотришь на всѣ эти безчисленные изображенія художниковъ всего свѣта и удивляешься: неужели это ликъ Того, Кто зажегъ такое пламя любви въ мірѣ? А у Ге это сразу ясно. Да,—чувствуешь, это ликъ Его. Воображаю, что выйдетъ, когда онъ перенесетъ его на холстъ. Дивная будетъ вещь!

Но Ге не спѣшилъ переносить свои эскизы на холстъ, а съ трепетомъ и неотрывно продолжалъ писать свои иллюстраціи, торопясь закончить весь кругъ евангельскихъ событій.

— Не знаю, доживу ли,—говорилъ съ тревогою Ге, когда прїѣзжалъ въ Ясную.—Что-то поетъ въ глубинѣ, и все слышу стонъ, какъ бы чье-то завываніе. Это зовутъ уже меня туда, я чувствую. И страсть хочется работу кончить. Онъ,—вы догадываетесь, вѣроятно, кто тотъ онъ, ибо онъ у меня одинъ только—это нашъ дорогой, безцѣнный и святой Левъ Николаевичъ,—онъ зажегъ во мнѣ пламя новой жизни и открылъ кругозоры истины. Я и хочу отплатить ему: я хочу уяснить кистью его ученіе. Онъ перомъ, а я кистью. И вся моя забота только о томъ, чтобы не повторять его, а досказывать; изображать то, чего словомъ не выяснишь и что у него не выяснено. Трудно это послѣ такого мастера слова, но, къ радости моей, все же работаю и работа, вижу, спорится.

Къ концу года почти всѣ эскизы были закончены и когда иллюстраціи коснулись трогательныхъ и великихъ событій послѣднихъ страницъ евангелія, Ге сразу сталъ переносить эскизы на холстъ, и одной изъ первыхъ такихъ картинъ явилась: «Что есть истина?»

Левъ Николаевичъ, когда увидѣлъ эту картину, передъ тѣмъ, когда она была отвезена на выставку, былъ до того потрясенъ и взволнованъ, что первые дни послѣ этого все время говорилъ только объ этой картинѣ:

— Я въ восторгѣ,—восхищался онъ.—Вотъ мастеръ.

Признаюсь вамъ, я самъ впервые только послѣ этой картины уразумѣлъ глубокой и истинный смыслъ этого маленькаго мѣста, которое всегда мнѣ, да и всѣмъ экзегетамъ евангелія, казалось недоконченнымъ, оборваннымъ. Пилать спросилъ, что есть истина, и, не дождавшись отвѣта, вышелъ къ толпѣ. И всѣ такъ читаютъ и всѣ такъ думаютъ. Между тѣмъ только съ этой картины глядѣть иной смыслъ этихъ словъ. Пилать не спрашиваетъ, что такое истина, ожидая получить отвѣтъ, нѣтъ, онъ въ формѣ вопроса высокомерно возражаетъ. Когда Христосъ говоритъ ему, что онъ пришелъ въ мѣръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, Пилать, густо посмѣиваясь, дѣлаетъ уничтожающій жестъ и небрежно бросаетъ: „Ну, что такое истина?“ Истина— вещь относительная, всякій ее принимаетъ по-своему. И, видимо, считая свое возраженіе исчерпывающимъ, удалился къ толпѣ и заявляетъ ей, что онъ никакой вины не находитъ въ Христѣ. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется этотъ моментъ. Это ново. Это глубоко. И какъ сильно, ярко оно выражено на картинѣ. Этотъ бритый, толстый затылокъ римскаго губернатора, этотъ полуборотъ крупнаго, убитаннаго и сладострастнаго тѣла и эта вытянутая рука съ пренебрежительнымъ жестомъ,—все это великолѣпно, все это живетъ, дышитъ, очаровываетъ и врѣзывается въ память навѣки. А лицо? При всемъ величїи этой римской фигуры, въ глазахъ видна рабья тревога за себя и мелкая дрожь мелкой души. Онъ боится, чтобъ не донесли на него въ Римъ и всю желчь безсилія своего вылилъ только послѣ въ пустой полемикѣ съ старѣйшинами по поводу надписи на крестѣ, когда онъ сказалъ: „еже писахъ, писахъ“. И эта мелочность души удивительно схвачена у Ге, и, несмотря на тогу, на гренадерскій ростъ, на величественную позу, Пилать кажется въ сущности такимъ маленькимъ предъ стоящимъ тутъ же изможденнымъ Страдальцемъ, перенесшимъ ночь ареста, суда и обидъ, но отсвѣчивающимъ въ каждомъ штрихѣ лика своего силу духа и радость близости къ Отцу. Чудная картина! Вотъ такъ писать надо.

Ге, умиленный и растроганный восторгомъ Льва Николаевича, обнимая, цѣловала его и говорилъ:

— Не хвалите, такъ захвалите, что я возгоржусь. А я боюсь этого, писать не смогу.

Одно время Ге жилъ въ Ясной Полянѣ безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ и хотя на полевая работы не выходилъ съ Львомъ Николаевичемъ, но въ его далекихъ прогулкахъ и въ общеніи и бесѣдахъ съ крестьянами на деревнѣ принималъ самое близкое участіе.

Вотъ разъ подъ вечеръ, возвращаясь съ прогулки, Левъ Николаевичъ и Ге подошли къ краю деревни и, поровнявшись съ первой избой Константина Крайняго, какъ называли хозяина хаты, услышали въ открытое окно непрерывную трескотню знакомаго женскаго голоса, изрыгавшаго самыя отборныя ругательства.

— Вы слышите,—сказалъ тихо Левъ Николаевичъ, тронувъ Ге за руку:—это ужъ опять Надежда Константина костить.

Онъ сидѣлъ и свертывалъ изъ газетной бумаги трубочку для цыгарки, и держалъ на колѣняхъ книгу, а она, подперши двумя пальцами подбородокъ и подоткнувъ поневу, отчитывала:

— Арестантъ! колодникъ! Праликъ тебя расшиби! Что же это ты себѣ думаешь? Все книжки да цыгарки, бѣлмы твои лупастые! Вѣдь этакъ мы въ куски пойдемъ, требуха твои лопни! И гдѣ-жъ это видано? И гдѣ-жъ это слыхано!..

Левъ Николаевичъ откинулъ съ шумомъ дверь и зашелъ. За нимъ и Ге.

— Не тревожь здоровья своего, Надежда Ивановна!—обратился Левъ Николаевичъ къ ней, зная что величаніе по отчеству ей будетъ приятно.

Константинъ усмѣхнулся.

— Она отъ ругани здоровѣетъ, какъ скоть отъ браги!.. Ей это на пользу!..

— Ишь, ишь!—запрыскала Надежда.—Еще смѣшки-пересмѣшки вымалываетъ, жерновъ ты потрясучій! Болотная душа! Ты еще смѣяться? Вотъ тебѣ крестъ, при графѣ говорю: дѣжу съ тѣстомъ тебѣ на глотку насажу, чугунь съ кипяткомъ опрокину, рогачъ тебѣ въ голову всажу, однаво дыхнуть, и помеломъ вымету. Ты что? Ты думаешь,

я тебя не знаю? Я на аршинъ сквозь землю вижу и всѣ твои семьдесятъ семь думъ корявыхъ знаю. Кистинкинъ, говорю: брось книжку!

— Вотъ языкъ!—засмѣялся Левъ Николаевичъ,—Недаромъ же тебя, Надежда, и зубастой называютъ. Ну, будетъ, помиритесь!

И Левъ Николаевичъ не ушелъ, куда миръ не былъ восстановленъ въ семьѣ.

Ге по дорогѣ замѣтилъ:

— А вѣдь красота языка какая! Какіе образы, какіе переливы звуковъ!

Былъ пораженъ и Левъ Николаевичъ. Дома ихъ встрѣтилъ ожидавшій подъ деревомъ низенькій, сѣдой старичокъ. Шамкая и сочно шлепая губами, онъ часто наклонялся къ уху Льва Николаевича и рассказаль свою грустную повѣсть.

— Ваня мой, тае, на чугункѣ въ ремонтерахъ служить, а Маришка кухарила. Было ли промежь нихъ что, нѣтъ ли, должно, что было, только Маришка, тае, забрюхатѣла. Я и говорю Ванѣ: женись, а онъ рыло ворочаетъ...

— Ну, и что-жь?—спрашиваетъ Левъ Николаевичъ.

— А то, что дѣвку намедни съ перемету сняли, веревкой удавиться пошла... Я къ твоей милости, убагразумъ Ваню.

Узнавъ, что Ваня служитъ на ст. Козловкѣ, Левъ Николаевичъ два раза ѣздилъ туда, одинъ разъ со мной, другой разъ съ Ге и добился того, что у парня заговорила совѣсть.

Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ Левъ Николаевичъ и лежалъ больше мѣсяца, страдая отъ сильныхъ болей въ ногѣ, на которой образовалась послѣ ссадины на покосѣ рожистая опухоль. Какъ только боли утихли, Левъ Николаевичъ попросилъ, чтобъ ему устроили доску надъ кроватью и сталъ что-то писать.

Прихожу какъ-то, хочу войти къ Льву Николаевичу наверхъ, вижу изъ двери кабинета на цыпочкахъ выходитъ Ге и, приложивъ палецъ къ губамъ, шепчетъ мнѣ: — Тсс... Пойдемте внизъ. Онъ пишетъ.

Мы сошли.

— Новая большая вещь будетъ, — продолжалъ Ге. — Драма. Я читалъ листки. Захватывающая картина. Ему Давыдовъ разсказалъ судебный сюжетъ, но тамъ лица нашихъ крестьянъ. Есть и Надежда зубастая, которую мы слышали тогда вечеромъ, съ ея отборной бранью и разными словечками, въ родѣ „семьдесятъ семь думъ“ и „на аршинъ сквозь землю вижу“, есть тотъ старикъ съ своимъ тае и даже парень его Ваня съ чугунки, куда мы вѣздили для примиренья, помните.

Когда мы потомъ свидѣлись съ Львомъ Николаевичемъ, онъ сказалъ:

— Пишу о тьмѣ. И такъ и думаю назвать эту вещь: „Тьма“ или, вѣрнѣе: „Власть тьмы“, да, да, это будетъ лучше. Ужасъ, ужасъ! Не могу оторваться. Все шире и шире чернѣетъ яма жизни и я начинаю жалѣть, почему я затѣялъ драматическую форму. Пишу большую пьесу и, боюсь, не осилю темы во всемъ ея обхватѣ. Когда я пишу романъ, я рисую и работаю, такъ сказать, кистью, тамъ я чувствую себя свободнѣе, — гдѣ неловко, замѣнилъ, а гдѣ нужно, добавилъ краски и расписалъ больше. Драма же не то. Это скульптурная работа.

Здѣсь нѣтъ тѣней и полутоновъ. Здѣсь все выпукло, высѣчено. Моменты должны быть готовые, назрѣвшіе, и вся работа сводится къ тому, чтобы изображать борьбу этихъ готовыхъ моментовъ, этихъ уже созрѣвшихъ настроеній героевъ. А это необыкновенно трудно, да еще изъ народной жизни. Вѣдь это для насъ другая страна, другое полушаріе земли. Какъ я ни свыкъся съ деревней, — все время живу и работаю здѣсь, — но эта клѣтка барскаго дома, гдѣ я провелъ свой вѣкъ отъ колыбели до сѣдины, этотъ штатъ «людей», эти интересы барства, этотъ языкъ, эта литература, музыка, — все это легло огромнымъ валомъ и, какъ перешейкомъ, отрѣзало нашъ крохотный заливчикъ отъ моря народной жизни. И народъ для меня — все та же непостижимая, страшная, но неодолимо влекущая къ себѣ тайна.

Писаніе „Власти тьмы“ сильно изнурило Льва Николаевича. Онъ никогда со времени «Войны и мира» не писалъ такъ неотрывно одну и ту же вещь.

— Не могу оторваться,—говорилъ онъ.— Драма раз-
вертывается и тянетъ-тянетъ меня, и я еще самъ не знаю,
куда приведетъ меня теченіе событій.

Потомъ, когда онъ закончилъ и отложилъ послѣдній
листикъ, онъ притянулъ къ себѣ Ге и со слезами въ го-
лосѣ тихо сказалъ ему:

— Онъ покаялся... Такъ легко... И мнѣ и ему.

Рѣчь шла о Никитѣ.

Оправившись послѣ болѣзни, Левъ Николаевичъ не
сразу взялся за полевую работу, которая къ тому же тогда
подходила къ концу, такъ какъ была уже осень, а, спу-
стившись внизъ въ кабинетъ, со страстью засѣлъ за са-
пожный верстачокъ и сталъ шить старшей дочери мягкіе
башмаки.

Лицо у него поблѣднѣло, сѣдины прибавилось вдвое,
весь низъ бороды уже былъ обрамленъ бѣлыми волосами;
посѣдѣла и голова; но рѣчь его была та же плавная,
гибкая, съ той же остротой и внезапностью наблюдений;
только темы для разговоровъ онъ выбиралъ преимущест-
венно духовныя, съ проникновеніемъ въ душевную тайну,
гдѣ трактовалась излюбленная имъ и дорогая для него
мысль о духовномъ просвѣтлѣніи, о перемѣнѣ пониманія
жизни.

И во всѣхъ этихъ бесѣдахъ почти постояннымъ уча-
стникомъ и благоговѣйнымъ слушателемъ былъ Ге.

Вотъ, помню, разъ сидитъ Левъ Николаевичъ и углу-
бился въ степки, а рядомъ съ нимъ на низенькомъ стуль-
чикѣ Ге. Зашла рѣчь о внезапныхъ порывахъ души и
насколько надежна бываетъ перемѣна жизни, происшедшая
благодаря этимъ внезапнымъ порывамъ.

— Ахъ, не говорите, — поднялъ голову Левъ Нико-
лаевичъ. — Кто можетъ сказать, гдѣ внезапность и гдѣ
дѣятельный подготовительный процессъ? Ужъ на что вне-
запнень бываетъ взрывъ пороха, но и тамъ вы найдете
цѣлый рядъ дѣлъ и работъ, которыя подготовили этотъ
взрывъ. И самая выдѣлка пороха, и фабрикація спички,
зажегшей его, и настроеніе человѣка, чиркнувшего спич-
кой,—все это такъ удаляетъ, такъ углубляетъ моментъ
внезапности и рисуется картину большой, напряженной и

долгой работы, которая дѣлалась много раньше, чѣмъ насталь этотъ, вдругъ кажущійся теперь неожиданнымъ и поражающимъ, мигъ взрыва, Такъ и въ душѣ человѣка. Вотъ, напр., жизнь Александра. Возьмите сказаніе о немъ. Дивное, изумительное по глубинѣ проникновенія сказаніе, и тамъ эта внезапность огромной перемѣны получаетъ свое настоящее освѣщеніе. Сказаніе это,—обратился онъ ко мнѣ:—я вамъ въ общихъ чертахъ передавалъ уже, но теперь за время болѣзни я еще много разъ думалъ о немъ, ибо собирался даже писать объ этомъ, и я-бъ его такъ передалъ. Вотъ послушайте.

Послѣ того, какъ въ Инженерномъ замкѣ въ глухую полночь совершилось то, что совершилось, и всѣ ликовали и поздравляли другъ друга,—Александръ сразу осунулся, загрустилъ. И немилы ему стали всѣ эти вечера, рауты и весь блескъ придворнаго уклада. Грудь давила каменная плита, и онъ нигдѣ не находилъ облегченія. Шли годы, проходили десятилѣтія, и всѣ, къ кому ни обращался Александръ, всѣ находили его прекраснымъ, чистымъ, благороднымъ, и всякій совѣтовалъ ему бросить грусть и перестать мучить свою совѣсть. Тогда онъ подумалъ: „Это, вѣроятно, все люди, которымъ дорого ихъ положеніе, и оттого они такъ говорятъ. Обращусь я къ человѣку независимому, ушедшему отъ удовольствій міра. Что онъ скажетъ?“ И вотъ, уже на 25-мъ году своего царствованія, онъ отправляется къ схимнику, жившему тогда въ Александро-Невской лаврѣ, и въ кельѣ его, гдѣ былъ только гробъ и распятіе, онъ палъ предъ старикомъ на колѣни и въ слезахъ покаялся передъ нимъ во всемъ, и рассказалъ томлящую его мысль, и повѣдалъ также желаніе — уйти и оставить тронъ и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ.

Схимникъ всплеснулъ руками:

— Сынъ мой! Не дѣлай этого. Богъ не велитъ. Лучше построй еще нѣсколько храмовъ и укрась убранствомъ старыя,—и грѣхъ твой прощенъ будетъ. И живи съ миромъ еще долгіе годы на тронѣ.

Александръ ушелъ въ отчаяніи. Не далъ ему отвѣта и схимникъ старикъ.

Тогда онъ рѣшилъ въ душѣ: „Теперь я вижу, что отъ

людей мнѣ нечего ждать“ И въ тотъ же день снарядился въ путь и уѣхалъ въ Таганрогъ. Тамъ онъ поселился за городомъ въ простомъ домѣ и сталъ обдумывать планъ, какъ бы осуществить свое отреченіе.

Вотъ разъ, гуляя въ вольной одеждѣ по загороднымъ улицамъ, онъ увидѣлъ, какъ провели солдата на площадь, окружили его конвоемъ, и старшій сталъ читать по бумагѣ приговоръ. Солдатъ, оказывается, уже скоро долженъ былъ кончить службу, но получилъ изъ деревни отъ родныхъ письмо, что отецъ его умираетъ и проситъ прибыть проститься. Сталъ проситься солдатъ у начальства въ отпускъ, но отпуска не дали. Тогда онъ бѣжалъ. Его съ дороги воротили и посадили подъ арестъ. Онъ бѣжалъ въ другой разъ и въ другой разъ былъ пойманъ. Теперь его судили за вторичный побѣгъ и присудили прогнать сквозь строй и дать ему 8.000 палокъ.

Всмотрѣлся Александръ въ лицо несчастнаго и страшно изумился. Лицо солдата было удивительно похоже на лицо Александра. Тѣ же баки, тѣ же круглыя щеки и такъ же стрижена голова, даже ростомъ и осанкой онъ былъ схожъ. Отошелъ Александръ въ сторону и думаетъ себѣ: „Вѣдь вотъ 24 года прослужилъ и хотѣлъ отца передъ смертью повидать, и его теперь именемъ моимъ судили и будутъ бить до смерти палками, а я?.. Я что сдѣлалъ?..“

И онъ захлюпалъ, какъ ребенокъ.—„Отецъ!“—вырывалось у него только часто сквозь рыданія. Рыдали многіе, и его плача никто не замѣтилъ. Слышитъ Александръ, какъ затрещала дробь барабана, и видитъ, какъ того солдата безъ рубашки ведутъ привязаннымъ къ прикладу ружья, а другіе солдаты, выстроившись улицей, бьютъ палками по голой спинѣ. Сначала слышны были стоны, потомъ стоны притихли, и только клочья развороченнаго мяса со спины летѣли по сторонамъ, да кровь била широкой струей по слѣдамъ. Солдатъ упалъ, его взвалили на носилки и быстро унесли въ госпиталь.

Въ душѣ Александра что-то, какъ молнія, засверкало и онъ обернулся, махнулъ рукой, какъ бы прощаясь съ чѣмъ-то и побѣжалъ тоже въ госпиталь.

Въ приемной возился добренькій старый докторъ и от-

давалъ приказанія помощнику, что дѣлать и какіе компрессы прикладывать только-что принесенному солдату.

Когда всё ушли, Александръ подбѣжалъ къ доктору, увелъ его въ дежурную комнату и сразу открылся ему.

Тотъ перепугался, затрясся всѣмъ тѣломъ и не зналъ, что дѣлать. Но Александръ ласково успокоилъ его и спросилъ:

— Докторъ, будетъ ли живъ онъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ докторъ:—позвоночникъ въ двухъ мѣстахъ переломленъ, онъ до ночи не доживетъ. Ему дали 4.000 палокъ, а это рѣдкіе выносятъ.

— Тогда у меня къ вамъ строгая просьба!—заволновался Александръ. — И послѣдняя просьба, докторъ. Но прежде поклянитесь, что эта тайна умретъ вмѣстѣ съ вами!

— Клянусь, государь! Моей любовью къ вамъ клянусь!..

— Вѣрю. Этого солдата вы переодѣнете въ мою одежду и перенесете ко мнѣ на квартиру, а я лягу на его мѣсто. Вы поняли?

Докторъ схватился за голову.

— Ваше... ваше... в... Боже мой! Что вы дѣлаете? Одумайтесь!

— Этого Богъ хочетъ!—строго замѣтивъ Александръ и вынулъ изъ кармана позолоченный ключъ.—Вотъ вамъ ключъ отъ моей комнаты, поторопитесь перенести...

На завтра весь міръ зналъ, что императоръ скончался, и заколоченный гробъ его, нигдѣ не показывая покойника, перевезли съ почестями въ Петербургъ; а Александръ полежалъ двѣ недѣли на койкѣ, и когда зарубцевались „раны“, былъ выписанъ докторомъ, и ему дали остальные 4.000 ударовъ. Солдаты щадили уже разъ наказаннаго, какъ они думали, и били не такъ жестоко. Александръ вынесъ это и когда зажили уже настоящія раны, его, по законамъ того времени, какъ прошедшаго сквозь строй, сослали въ Сибирь на поселеніе.

Въ глухую, затерянную въ оврагахъ и засыпанную до крышъ снѣгомъ деревню привели высокаго, стройнаго Ое-дора Кузьмича и отдали подъ надзоръ начальства.

Тихій нравомъ, Федоръ пробылъ здѣсь долгіе годы, со-старился, работая и помогая людямъ въ ихъ трудахъ и заботахъ. Онъ дѣлалъ также людей, училъ дѣтей, а ночи проводилъ въ молитвѣ.

И пошла слава про старца Федора въ округъ и къ нему начали стекаться съ разныхъ сторонъ.

— Вотъ случилось, что пригнали въ ту деревню двухъ служащихъ при дворѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ тяжелой болѣзью и его принесли къ старцу Федору. Когда все вышло, и старецъ подошелъ къ нему съ молитвой, старый придворный открылъ глаза и вскрикнулъ отъ ужаса. Онъ узналъ Александра. Узналъ Александръ и его, онъ служилъ при немъ садовникомъ и готовилъ цвѣты къ столу.

— Ты никому не скажешь?—взялъ его за руку Александръ.

— Вѣмъ, всему міру расскажу, что видѣли глаза мои и что осязали руки мои...

И тутъ же впалъ въ глубокое забытѣе.

Его унесли домой и тамъ онъ вскорѣ пришелъ въ себя и, почувствовавъ исцѣленіе, онъ всталъ на ноги и всемъ рассказалъ видѣнное.

Бросились люди къ Александру, но Александра уже не было. Онъ въ ту же ночь ушелъ.

И вотъ, рассказываютъ, съ тѣхъ поръ долго бродилъ по Сибири высокій, стройный старикъ и, гдѣ-то вблизи Урала, на рубежѣ Россіи встрѣтилъ свой послѣдній часъ...

Левъ Николаевичъ замолкъ, а изъ глазъ капали свѣтлыя, лучистыя слезы.

Плакалъ и Ге.

— Боже! Какая дивная вещь! Вы непременно, дорогой, напишите драму на этотъ сюжетъ. Какія иллюстраціи можно сюда подѣлать прекрасныя. Въ особенности этотъ послѣдній моментъ, когда онъ „вблизи Урала, на рубежѣ Россіи, встрѣчаетъ свой послѣдній часъ“. Здѣсь какъ въ фокусѣ долженъ сойтись весь свѣтъ драмы и ярко сіять, какъ прожекторъ. Ахъ, какъ хорошо!..

Но Ге такъ и не пришлось писать иллюстраціи. Левъ Николаевичъ, хотя много разъ порывался начать пьесу объ Александрѣ I, но до сихъ поръ еще не начиналъ.

Недавно онъ получилъ прекрасно изданную книгу, гдѣ высокопоставленный авторъ съ большимъ тщаніемъ разбираетъ эту легенду и приходитъ къ выводу, что легенда основаній не имѣетъ въ дѣйствительности.

Левъ Николаевичъ съ большимъ вниманіемъ читалъ книгу и сказалъ:

— Пусть легенда разрушена, но красота ея сіяетъ. Правда ея остается. Я непременно обработаю этотъ сюжетъ.

О ЖЕНЩИНАХЪ

Лѣтомъ 1901 года, послѣ перенесенной болѣзни и послѣ тяжелыхъ передрыгъ велѣдъ за извѣстнымъ синодальнымъ отлученіемъ, Левъ Николаевичъ казался омраченнымъ и въ бесѣдахъ своихъ трактовалъ все суровыя темы и всему придавалъ усиленную суровую окраску. Разъ зашла рѣчь о женщинахъ. Л. Н. сидѣлъ тогда на диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, какъ это любятъ дѣлать турки, и часто и нервно похлопывалъ по пришитому къ блузѣ карману. Это у него старая привычка, оставшаяся съ тѣхъ поръ, когда у него въ этомъ карманѣ обыкновенно лежали спички и табакъ, и онъ, когда волновался, часто вынималъ табачницу и, свернувъ быстро толстую папиросу, нервно закуривалъ.

Волновался Л. Н. и теперь.

— Да, женщинами у насъ творится что то ужасное... Заработокъ, положеніе, здоровье, возрастъ, знаніе, темпераментъ,—все высасывается ими до конца и потомъ какъ ненужное выплевывается вонъ съ тѣмъ, чтобы найти другого раба.

Окруженные стаями трутней и цѣлыми арміями тружениковъ, ушедшихъ въ глубь своихъ занятій, какъ корни въ почву, — женщины нашего круга, какъ тѣ стволы и вѣтви, однѣ только и видны снаружи, однѣ только онѣ и царятъ въ нашемъ культурномъ обществѣ. Подъ почвой идетъ постоянная глухая борьба между корнями за влагу, за соки, и, сидя внизу, гдѣ обыкновенно мы, мужчины, и сидимъ,—можно просмотрѣть, для чего все это дѣлается, и не видѣть того, что соки идутъ вверхъ для стволовъ и вѣтвей.

Женщины же въ качествѣ женъ, возлюбленныхъ или просто пока прельщающихъ діанъ распоряжаются идущими отъ корней соками и тамъ вверху борются другъ съ дружкой уже за теплоту, за свѣтъ, за просторъ.

Сравненіе это не похоже на дѣйствительность только тѣмъ, что женщины не такъ связаны тѣсно съ своими мужчинами, какъ стволы съ корнями, и что онѣ съ паразитической легкостью умѣютъ отстать и сойтись съ другимъ корнемъ.

Пройдитесь по городу, посмотрите на эти лавки, магазины, мастерскія, заводы,—на всю эту, собранную со всѣхъ концовъ свѣта страшную уйму сокровищъ; присмотритесь къ суетѣ въ городѣ, къ этимъ вѣчнымъ зрѣлищамъ и нескончаемымъ безстыднымъ празднествамъ, и вы увидите, что все это, достаемое съ такимъ трудомъ и опасностью для жизни,—дѣлается исключительно для женщинъ и для всей трехсложной похоти ихъ, похоти плоти, похоти очей и гордости житейской.

Онѣ властвуютъ и властвуютъ жестоко.

Только кажется, что люди безъ памяти заняты крупными аферами, общественными вопросами, философіей, искусствомъ, наукой, а на самомъ дѣлѣ во всей этой гулкой шумихѣ и страстной борьбѣ за химеру первенства видна направляющая рука женщины.

Это для нея все дѣлается.

Ужъ не говоря о средствахъ, которыя надо добыть для широкой жизни ея и которыя добываются аферами или войной, женщинѣ просто нужно культивировать для своей страсти различныя настроенія мужчины, дѣятельно-предпринимательское, грозно-военное, тихо-служебное, иѣжно-аристократическое и т. д. и т. д. Отсюда такое разнообразіе культурныхъ занятій и безконечное неумолимое дробленіе ихъ, приводящее въ концѣ концовъ къ измельчанію, обезсиленію и вырожденію.

Какіе-то дикіе народы поклонялись ненасытному богу въ образѣ женскихъ генеративныхъ формъ и приносили ему, кровожадному, человѣческія жертвы.

По всей вѣроятности, это были не начинающіе только жизнь первобытные народы, а народы, выродившіеся послѣ

расцвѣта культуры, погубившей ихъ тѣмъ, что тамъ царствовала женская похотливость.

И вотъ въ ихъ одичаломъ умѣ погубившей ихъ и кровожадный богъ принялъ ту форму, какую онъ въ дѣйствительности имѣлъ.

Такъ и съ нами будетъ.

Мы уже вырожденцы и почти дикари.

Культъ Астарты, культъ Венеры, какъ и былъ раньше, такъ и до сихъ поръ остается главнымъ преобладающимъ культомъ нашей извѣденной, блудной цивилизаціи, неудержимо дичающей вслѣдствіе этого съ каждымъ днемъ.

Наша жизнь, пропитанная гнилостнымъ ядомъ женскаго сладострастія, разлагается теперь со смрадомъ и удушливымъ зловоніемъ во всѣхъ тканяхъ своихъ. Уже нигдѣ нѣтъ чистаго мѣста, уже трудно найти такое занятіе, такую форму жизни, гдѣ бы не было духа блудодѣянія. Похотливость женщины погубила жизнь мужчины, да и свою жизнь.

Обыкновенно думаютъ, что мы соблазняемъ женщинъ. Но на самомъ дѣлѣ, какая глубокая и тщательно скрываемая ложь въ этомъ обычномъ мнѣніи, хотя о немъ такъ громко кричатъ и такъ широко афишируютъ его на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ. Къ ужасу нашему, почти всѣ первыя паденія мужчины,—работа женскихъ рукъ и ихъ прямого соблазна.—И дѣлаютъ онѣ это съ нами въ самую нѣжную, мягкую пору жизни, когда розовая заря наша чуть-чуть занимается и когда душа такъ воспримчива и чутка. Мало того, онѣ не только соблазняютъ заражая насъ вредною страстью, но, что еще ужаснѣе, они совращаютъ насъ, въ самомъ губительномъ смыслѣ этого слова. Соблазненный женщиной мужчина и, къ несчастью, сдѣлавшійся ея мужемъ, неизбѣжно принижаетъ свое міросозерцаніе, ломаетъ его, идя на низкіе компромиссы, и оно становится все грубѣе и матеріалистичнѣе.

Въ этой матеріализаціи міросозерцанія и состоитъ ужасъ совращенія.

Въ восточномъ мѣрѣ дѣло обстоитъ, конечно не такъ,—тамъ женщины несомнѣнныя рабыни, ихъ тамъ и покупаютъ, и онѣ имѣютъ цѣну довольно дорогаго рыночнаго товара.

Но у насъ, и главнымъ образомъ, среди культурныхъ людей,—наоборотъ, — покупается то именно мужчина, приданое даютъ ему,—слѣдовательно, онъ уже является рыночнымъ товаромъ, и, купленный, онъ дѣлается собственностью купившей его женщины.

Это открытая, позорная продажа мужчины.

Женщины своими чрезмѣрными требованіями удобствъ и роскоши устроили дѣло такъ, что вступающему въ жизнь мужчинѣ нельзя обойтись безъ приданого, и онъ идетъ на позорную сдѣлку.

Оттого бракъ у насъ и имѣетъ характеръ простой купли-продажи, и скоро будетъ время, когда этотъ актъ перейдетъ въ руки нотаріусовъ и биржевыхъ маклеровъ. Гнусный, обидный для мужчинъ обычай сносится ими только потому, что они уже давно обралились и притерлись къ своему хомуту.

И какъ этого не хотятъ видѣть?!

Вѣдь нѣтъ предмета болѣе близкаго для души культурнаго человѣка, чѣмъ вопросъ о женщинѣ. Въ сравненіи съ нимъ ничто и философія, и наука, и вся работа духа. Между тѣмъ, въ такомъ важномъ и близкомъ вопросѣ культурное человѣчество бредетъ путемъ обманчивымъ, ошибокъ и страданій и, страдая, не можетъ прямо назвать своимъ именемъ свое собственное горе.

Такъ искусно обставлено дѣло порабощенія мужчинъ, что вы нигдѣ не увидите открытаго и прямого признанія этого; вездѣ какъ будто сами мужчины воздвѣгаютъ руки вверхъ и молятъ женщинъ на колѣняхъ о счастья и сами идутъ подъ арканъ.

Добровольно, со страстью и самозабвеніемъ.

Такъ велика сила соблазна и такъ великъ гипнозъ.

Вотъ почему такъ безнадежно положеніе мужчины, и если предстоитъ когда-нибудь счастье, отдаленнѣйшее счастье для культурнаго человѣчества, то это освобожденіе его отъ позорнѣйшей на свѣтѣ власти,—власти женщины.

На долю нашего вѣка, кажется, выпадаетъ приблизить это время хоть немножко.

О РАЗВОДЪ

— Мнѣ всегда казалось ужаснымъ,—сказалъ Л. Н. въ 1901 г.,—когда люди съ холодною анатома говорятъ о бракѣ и съ цинизмомъ полицейскаго толкуютъ о бумажкахъ, соединяющихъ двѣ души; есть что-то невыразимо кощунственное въ этой попыткѣ людей брать грязными руками святыню и утверждать что имъ что-то дано и къмъ-то поручено сближать и закрѣплять два бьющихся жизнью сердца.

Но еще кощунственнѣе и ужаснѣе, когда люди берутъ на себя смѣлость разрывать соединенныя души.

Оправдывая ничѣмъ не оправдываемый обычай, люди любятъ ссылаться на древнихъ и говорятъ: „Вѣдь вотъ-же жили и легко было“. Какая ложь!

Я недавно читалъ одно очень интересное древнее сказаніе и очень совѣтоваль-бы хвалителямъ развода запомнить его.

Жилъ въ Сидонѣ израильтянинъ съ своей прекрасной женою много лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было, и сердце мужа стало по немногу охладѣвать къ женѣ.

— Пойдемъ, разведемся!—приказалъ въ одно утро мужъ и повелъ жену къ раби.

— Раби!—сказалъ онъ учителю.—Женщина эта была мнѣ вѣрной и хорошей женою. Но Господь заключилъ чрево ея и не благословилъ насъ потомствомъ. Сердце мое охладѣло къ ней. Я хочу развестись.

Раби посмотрѣлъ на жену.

Она стояла блѣдная, какъ стѣна, и трепетала, какъ падающій съ дерева листь, колеблемый вѣтромъ. Ее душили слезы, и она ничего не могла говорить.

— Жена! сказалъ ей мужъ.—Вотъ, при раби говорю: Самое дорогое, самое милое сердцу твоему въ домѣ нашемъ возьми себѣ,—это твое. Согласись на разводъ.

Но жена молчала.

Тогда раби говорить:

— Дѣти мои!—Тяжела, я вижу, разлука для васъ. Послушайте меня. Вы облегчите ее, если устроите пиръ, созовете друзей и родныхъ и будете веселиться, какъ въ день, когда вы вступили въ бракъ.

Учитель думалъ: „Этотъ пиръ вызоветъ въ сердцѣ мужа память о радостномъ днѣ брачнаго пира и перемѣнитъ его мысли“.

Супруги послушались раби и, пришедши домой, отдали слугамъ приказъ приготовить пиръ и созвать гостей. Лучъ надежды освѣтилъ душу женщины, и она изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобы пиръ вышелъ веселый и роскошный. Пили, ѣли, веселились. Особенно много угощался самъ хозяинъ, и, когда гости разошлись, ослабили силы его и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Тогда жена позвала слугъ и велѣла тихо перенести мужа на носилкахъ на другой край города въ домъ отца своего, туда, откуда розовой дѣвственницей взялъ ее мужъ.

И слуги сдѣлали по слову ея и, принеши хозяина въ домъ отца жены его, бережно уложили спящаго въ постель.

А жена сидѣла, нагнувшись надъ нимъ, и до утра ждала пробужденія его.

— Гдѣ я? — въ ужасѣ воскликнулъ мужъ, раскрывъ глаза.—Что со мной?

— Милый мой! — припала жена къ нему.—Ты уснулъ на пиру, а я взяла награду, о которой ты говорилъ.

— Какую?—изумился мужъ.

— Слушай! Не ты-ли говорилъ при раби, что позволяешь мнѣ взять изъ дома твоего самое лучшее, самое дорогое и милое сердцу моему? Но во всемъ домѣ твоёмъ я не нашла ничего милѣе сердцу моему, кромѣ тебя одного. Ты для меня дороже и цѣннѣе всего. Я и взяла тебя и унесла въ дѣвичій домъ мой.

Мужъ смягчился сердцемъ и великая любовь жены снова пробудила въ немъ старое чувство, и онъ забылъ о разводѣ.

Такъ было когда-то.

Я вспоминаю теперь многіе случаи и тѣ семейныя драмы, которыя я близко видѣлъ и знаю,—и вотъ вижу, что вездѣ люди забываютъ о „самомъ дорогомъ“ и не дѣлаютъ того, что дѣлала эта удивительная сидонянка...

Ахъ, какъ это просто! Я думаю даже, что развода нѣтъ, онъ не существуетъ, потому что не можетъ существовать. Сколько люди ни стараются объ этомъ и на какихъ бы бумагахъ они ни написали это слово, его въ жизни нѣтъ.

Развѣ эта трагедія, которую пережилъ нашъ общій другъ А. А., не лучшее доказательство этого?

Возьмите, когда его первую жену заключили въ крѣпость, лишили правъ и приговорили къ каторгѣ, онъ уже могъ считаться формально разведеннымъ, и та вторая, съ которой онъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ, настояла на бракѣ.

Они повѣнчались, ребенокъ былъ окрещенъ, получилъ „фамилію“ отца, и она въ свѣтѣ заняла положеніе.

Стройная, красивая и чувственная, она блистала въ кругу своихъ и очаровывала всѣхъ, въ томъ числѣ и мужа своего. Хотя онъ врачъ, а слѣдовательно занятъ однимъ изъ грубѣйшихъ плотскихъ ремеслъ, матеріализирующихъ душу, но у него душа сохранилась чуткая и тонкая, и онъ вскорѣ сталъ тосковать.

Онъ не хотѣлъ сказать этого, онъ тщательно подавлялъ въ себѣ подкатывавшееся подъ сердце большимъ комомъ чувство грусти и никакъ не допускалъ въ себѣ мысли, что это онъ тоскуетъ о той.

Онъ говорилъ себѣ: Не можетъ быть! Вѣдь она сама ушла отъ меня, окунулась въ „дѣятельность“, попала въ процессъ и теперь уже граждански мертва. Она въ шлис-сельбургскомъ склепѣ, откуда нѣтъ возврата, и на моей сторонѣ все, и цо душѣ и по человѣческимъ законамъ я свободенъ.

И онъ удваивалъ свою ласку къ новой женѣ, крѣпко

цѣловаль своего новаго мальчика и старался быть сдержаннымъ къ сыну отъ той.

Но годы шли, опыты эти становились все мучительнѣй и мучительнѣй, и онъ ясно увидѣлъ себя въ пропасти...

Такъ прошло 13 лѣтъ. Вдругъ получилъ онъ извѣстіе, что изъ шлиссельбургской крѣпости ее переводятъ на Сахалинъ, и тамъ она будетъ поселенкой.

Въ пропасть къ нему опустилась веревка.

Онъ оставляетъ практику, оставляетъ вторую жену, второго сына и ѣдетъ съ первымъ мальчикомъ на каторгу съ первой женой. Я получаю теперь отъ нихъ письма, и одно другого радостнѣе и свѣтлѣе. Онъ врачомъ, она фельдшерницей въ тюремной больницѣ.

Ихъ любятъ тамъ такъ, что даже смотритель благоговѣетъ передъ ними.

Недавно случился тамъ грѣхъ, наказали плетью арестанта. Тогда они при встрѣчѣ смотрителю не подали руки.

Онъ, взволнованный и растроганный, написалъ имъ письмо, гдѣ клянется, что никогда больше не будетъ *этого* дѣлать. Ну, вотъ... Я васъ спрашиваю, былъ тутъ разводъ? Могъ быть разводъ?

Мнѣ вспоминается по этому поводу легенда, которую я на югѣ слышалъ.

Отправилъ хозяинъ служащаго въ дорогу и поручилъ ему сдѣлать большія закупки. Молодой человѣкъ, впервые выѣзжавшій, въ слезахъ простился съ женой и маленькимъ сыномъ, которому былъ уже годъ, и взялъ благословеніе отъ отца.

Выѣхали. Дорога шла лѣсомъ. Тяжелый крытый рыдванъ, куда набилось до 20 сѣдоковъ, еле подвигался по топкой дорожкѣ, и лошади каждый разъ останавливались.

Когда подѣхали къ горѣ, возница предложилъ всемъ выйти и облегчить рыдванъ.

Уже вечерѣло, и молодой человѣкъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ уклонился въ сторону, углубился въ чашу лѣса и, когда онъ опомнился, рыдванъ уже былъ далеко, голозовъ не было слышно.

Видитъ, передъ нимъ у дерева стоитъ высокая стройная женщина съ большими грудями и манить его къ себѣ.

Вскружилась голова у него, закипѣла кровь и, не устоявъ, онъ пошелъ за женщиной.

Онъ сталъ ея мужемъ.

Прошелъ годъ, минуло два, пробѣжало три года, а путникъ нашъ все у женщины въ лѣсу. Онъ прижилъ съ ней двоихъ дѣтей; онъ работаетъ всю работу по хозяйству, а она не спускаетъ съ него глазъ. Стережетъ его, какъ тюремщикъ.

Разъ какъ-то она долго не возвращалась изъ лѣсу, и путникъ тихонько вышелъ за околицу дома. Побрелъ дальше и вдругъ предъ нимъ дорога, та самая дорога, съ которой три года назадъ онъ такъ безразсудно свернулъ.

Заняло сердце, хлынули изъ души воспоминанія, и, какъ вырвавшійся изъ тюрьмы на свободу, онъ не чуя ногъ подъ собою, пустился бѣжать въ ту сторону, гдѣ, по его догадкамъ, долженъ быть его городъ.

Вскорѣ нагналъ его знакомый, посадилъ къ себѣ въ телѣжку и привезъ домой.

Радости не было конца; онъ опять среди своихъ, съ нимъ его жена, сынъ, отецъ.

Усталый отъ потрясеній и волненій, онъ уснулъ, какъ убитый.

Въ полночь слышитъ онъ,—зашумѣло на дворѣ что то, застучало и у окна показалась *та*, высокая, дебелая, съ огромными грудями и кричитъ могильнымъ голосомъ:

— Отдайте мнѣ моего мужа!...

Страхъ напалъ на всѣхъ и, насилу дождавшись до утра, родные побѣжали къ духовнику и рассказали ему все, какъ было.

— Не бойтесь,—отвѣтилъ онъ имъ.— Это извѣстная волшебница. Но съ высшей помощью мы справимся съ ней. Пусть остается вашъ сынъ ночевать у меня.

Настала ночь. На дворѣ загудѣло, зашумѣло и у окна показалась *та*.

Распустивъ волосы и обнаживъ грудь, она била себя руками по головѣ и кричала:

— Отдайте мнѣ моего мужа!...

Духовникъ подошелъ къ окну и говорить ей:

— А чѣмъ ты докажешь, что онъ твой мужъ?

Тогда она повернулась спиной, взвизгнула и исчезла. Минуть черезъ пять она вновь показалась и, неся въ рукахъ двоихъ дѣтей, подбѣжала къ окну.

— Вотъ мои доказательства!

И положила дѣтей на землю.

Тогда духовникъ махнулъ жезломъ, что то такое тихо сказалъ и потомъ громко говорить молодому человѣку:

— Выходи!

Тотъ, трясаясь всёмъ тѣломъ, испуганный, съ поднявшимися отъ страха волосами, стоитъ у порога и не смѣетъ шагнуть.

— Иди!—приказалъ духовникъ.

И онъ вышелъ за дверь.

Онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ его схватятъ, унесутъ. Онъ цѣпко держался за косякъ и однимъ глазомъ посмотрѣлъ, гдѣ она. И что же?

Вмѣсто нея и двоихъ дѣтей ея — три кучки пепла, одна большая и двѣ маленькія.

Вотъ!... Вотъ вторые браки. Пепелъ!..

КАКЪ ОТНЯЛИ ДЪТЕЙ У ХИЛКОВА

Въ одинъ изъ моихъ прїѣздовъ въ Ясную Поляну я засталъ Льва Николаевича грустнымъ и удрученнымъ.

— Не могу передать вамъ,—сказалъ онъ,—какое тяжелое испытаніе пришлось мнѣ пережить на прошлой недѣлѣ. Прїѣзжалъ Хилковъ и, взволнованный и потрясенный со слезами на глазахъ передавалъ подробности того ужаснаго и безпримѣрнаго нашествія, какое учинили надъ нимъ и его дѣтьми.

Вы знаете, вѣроятно, что главный, непростимый въ глазахъ „свѣта“ грѣхъ Хилкова не въ томъ, что онъ роздалъ землю, что сдѣлался мужикомъ и работаетъ наравнѣ съ деревенскими,—этотъ грѣхъ, скрѣпя сердце, свѣтъ стерпѣлъ-бы,—главная и ужасная вина его въ томъ, что его супружеская жизнь съ женой не освящена басовымъ пѣніемъ и возложеніемъ вѣнцовъ на головы. Они не вѣнчаны, и дѣти ихъ не были внесены въ сдѣланныя переплетчиками шнуровыя книги и не носятъ поэтому родовитаго имени своего отца.

Мать Хилкова, старая княгиня, пришла въ ужасъ и поставила на ноги всю родню, всю знать.

Хилковъ у нея единственный сынъ, и если теперь его сынъ, Борисъ, не будетъ записанъ на пронзенную шнуромъ страницу приходской книги, то родъ Хилковыхъ изсякнетъ, и генеалогическое дерево одного изъ отпрысковъ Рюриковичей будетъ считаться формально засохшимъ, какъ та евангельская смоковница.

И вотъ, для спасенія смоковницы старая княгиня, добрая и всегда увѣрявшая сына въ своей любви къ нему, сдѣлала слѣдующее. Она черезъ всесильнаго царедворца Рихтера запаслась разрѣшительной бумагой и отправилась

на Кавказъ, гдѣ тогда жилъ въ ссылкѣ сынъ ея съ семьей. Тифлисскій начальникъ, прочитавъ предъявленную ему бумагу, отрядилъ въ помощь княгинѣ пристава, опоясаннаго ремнями съ саблей и револьверомъ, и приказалъ ему дѣйствовать безъ всякаго послабленія.

Уже вечерѣло, когда сытыя, взмыленные отъ гонки лошади, съ рессорнымъ экипажемъ, остановились у маленькой, мазанной глиной хаты, гдѣ въ садикѣ, у самаго входа, возились въ травѣ и что-то поливали и сынъ и дочь Хилкова.

— Боря!—крикнула княгиня.

И тоненькій, рослый для своихъ 6 лѣтъ бѣлокурый мальчикъ весело подбѣжалъ къ бабушкѣ, сталъ цѣловать ее и говорить:

— Слѣзай! Я сейчасъ позову папу и маму. Они на огородѣ грядки чистятъ.

И хотѣлъ побѣжать, но бабушка притянула его къ себѣ, а приставъ присталъ съ другой стороны и тоже держитъ его за плечики.

Боря закричалъ, закричала и сестричка Оля.

Услыхали отецъ и мать, прибѣжали и сразу не сообразили, въ чемъ дѣло.

Хилковъ подошелъ вплотную къ экипажу, Боря вцѣпился въ него и тяжело дышитъ.

— Папочка! Папочка!... И ничего больше сказать не можетъ.

А приставъ слѣзъ, развернулъ бумагу и подаль ее Хилкову.

Въ глазахъ только мелькнуло: «Отобратъ дѣтей» «именовать ихъ Хилковыми», «присвоить имъ княжество» и печати, подписи... Онъ все понялъ и понялъ, что борьба невозможна.

Но невозможно и покориться.

Онъ отдалъ бумагу приставу, а женѣ наскоро, въ двухъ словахъ, передалъ, въ чемъ дѣло. и говорить матери:

— Вы—не мать мнѣ! Что вы дѣлаете?!

— Дима!—взвизгнула она. — Поздно! Я беру дѣтей!
Г. приставъ, возьмите княжну!

Оля ухватилась за руку матери, но приставъ грубо и

съ силой отдернулъ ее и на рукахъ поднялъ и передалъ княгинѣ въ экипажъ. Борю она держала уже и прикрывала платкомъ. Онъ рвался и кричалъ:

— Папа! Я не хочу! Мамочка, иди сюда!

Потянулась къ экипажу жена Хилкова, но приставъ толкнулъ кучера, тотъ тронулъ лошадей и подъ визгъ и плачъ дѣтей экипажъ укатилъ на дорогу и повернувъ направо, скрылся изъ виду.

Все это совершилось до того ошеломляюще скоро, такъ внезапно, порывистъ и дерзокъ былъ этотъ набѣгъ, что Хилковы оба стояли въ оцѣпенѣннн и не знали, что съ ними. Только когда глаза ихъ встрѣтились, они пали другъ къ другу въ объятія и зарыдали, захлюпали какъ малыя дѣти.

— Боже!—говорилъ мнѣ Хилковъ, ломая руки.—Что тогда было въ душѣ у насъ! Оставленность, осиротѣлость щемлящая, ноющая жалость къ дѣтямъ и жестокая мучительная боль обиды, какъ отъ вырваннаго клещами куса тѣла. Сердце сочилось болью и обидой. Эти милыя дѣтки, эти птенчики, эта душа наша, ради которыхъ, ради счастья и свободы которыхъ мы все переносили, чтобы воспитать ихъ въ новой жизни, въ новыхъ чувствахъ... И вдругъ ихъ насильно, варварски увозятъ туда, въ тотъ омутъ тѣна и смерти, откуда съ такимъ трудомъ мы выкарабкались. Я стоялъ съ бессильно поникшей головой и бессильно опущенными руками и, вѣрьте, только въ тотъ мигъ я почувствовалъ и оцѣнилъ, какъ велика стала власть надо мною духа евангелія, съ его требованіемъ кротости и непротивленія. Вѣдь стоило только немного ослабить въ себѣ эту силу вліянія,—и вы понимаете, что могло-бы разыгратъ въ тотъ часъ. Я командовалъ казачьимъ полкомъ на Кавказѣ и бывалъ въ самыхъ бѣшеныхъ схваткахъ и атакахъ, и ужъ конечно, не жалкой женщиной или плюгавому мужчине въ пуговицахъ отнять-бы у меня моихъ дѣтей. Я содрогаюсь отъ одной мысли, что могло-бы быть!.. Вѣдь не только орелъ, тигръ, левъ рвутъ въ клочки нападающихъ на гнѣздо и вступаютъ въ бой иногда съ цѣлымъ отрядомъ хищниковъ; не только они, говорю я, но голуби, воробьи, колибри и тѣ дерутся до истощенія силъ за дѣтей. Но... по я,—не я, а что-то неизмѣримо

большее, что-то неимовѣрно огромное властно сдержало меня и велѣло: терпи!

И мы терпѣли. Кроткая, добрая моя Цецилія только судорожно всхлипывала и, поднимая руки къ кому-то, шептала: „За что? За что?“

Мы рѣшили все-таки догнать ихъ, чтобы еще разъ посмотрѣть на дѣтей и еще попытаться говорить съ той женщиной. Мы знали, что до станціи имъ было 45 верстѣ, что лошади ихъ устали и мы ихъ нагонимъ еще по дорогѣ или застанемъ на станціи. Трудно было нанять лошадей въ деревнѣ, всѣ были на работѣ въ полѣ или только что подморенныя вернулись съ поля и ѣли кормъ, и никто изъ колонистовъ не брался ѣхать; но Шульцъ, т. е. староста колоніи, узнавъ, что у насъ дѣтей забрали, запретъ свою гнѣдую пару быстрыхъ и выносливыхъ лошадей и самъ пустился съ нами въ путь.

На 10-й верстѣ отъ деревни мы нагнали экипажъ.

Дѣтки были прикрыты платкомъ; но, услыхавъ топотъ набѣгавшихъ лошадей, они подняли головки и, увидавъ насъ, пронзительно вскрикнули и замахали ручонками. Я кричу матери:

— Остановитесь! Одно слово!

Но экипажъ продолжалъ мчаться.

Тогда Шульцъ налегнулъ на лошадей, привсталъ, приподнялъ возжи и въ два—три прыжка очутился рядомъ съ экипажемъ.

Мы слились. Четыре лошади, четыре человекъ, но двѣ отдѣльныхъ повозки, какъ два отдѣльныхъ міра.

Я сидѣлъ съ правой стороны и оказался рядомъ съ матерью.

— Дима,—говорить она.—Напрасно это все. Не мучь меня. Вернись! Я дѣтей не отдамъ.

— Но, мама!... Что вы сдѣлаете изъ нихъ?

— Они будутъ князьями. На тебя я надежду потеряла. Но ихъ и спасу.

— Вы ихъ губите!—крикнулъ я. — Сироты мои!—И ударилъ себя кулакомъ по лбу.

Жена удержала меня и громко сказала мнѣ:

— И я ѣду! Я не оставлю дѣтокъ... Пусть заберутъ

меня, пусть сожгутъ меня, но я крошекъ своихъ не отдамъ! Я не могу! Я не могу!

Л. Н. остановился, судорожно сталъ дышать и, глотая слезы, тихо произнесъ:

— Нѣтъ, нельзя дальше рассказывать. Во мнѣ дрожитъ все. Я, когда слушалъ, плакалъ и сейчасъ готовъ плакать. Такой ужасъ! Такой ужасъ!

Всю дорогу они ѣхали рядомъ, разминаясь въ узкихъ мѣстахъ, при чемъ это устраивалось такъ, то впереди ѣхалъ Хилковъ съ женой, а сзади мать съ дѣтьми, чтобы они не угнались впередъ.

Ладили, ладили и поладили на томъ, что жена Хилкова (она не числилась въ ссылкѣ) поѣдетъ тоже въ Петербургъ, но будетъ жить на особой квартирѣ, и съ дѣтьми ей будетъ разрѣшено видѣться.

Милая, кроткая и подавленная судьбой женщина согласилась и на это, лишь-бы не остаться при ужасной мысли, что дѣти отъ нея ушли и она ихъ не увидитъ никогда.

На станціи жена Хилкова взяла билетъ и сѣла въ тотъ-же вагонъ, гдѣ и дѣти и старуха, но старуха криливо запротестовала, и жена Хилкова должна была пересѣсть въ другой вагонъ и только на станціяхъ съ длительными остановками она выходила и украдкой заглядывала въ окно, чтобы увидѣть милыя головки и перекинуться взглядомъ съ ними.

Говорятъ, что я умѣю писать и умѣю вникать въ душу изображаемыхъ лицъ, но увѣряю васъ, у меня дрогнула-бы рука и не хватило-бы силъ и воспріятія, чтобы изобразить сколько-нибудь выпукло и ярко эту потрясающую по глубинѣ переживаній драму.

И драма въ томъ еще, что эта несчастная, одурманенная свѣтскими преданіями старая женщина рветъ живыхъ дѣтей отъ отца и матери, думая сдѣлать ихъ счастливыми, и готовить имъ вѣрную гибель души и гибель тѣла.

Праздная, развратная,—ибо праздная не можетъ быть не развратной,—жизнь; вѣра въ рабство, въ деньги, въ насилие. Что можетъ быть ужаснѣе для души ребенка, и

какое еще можно придумать худшее наказаніе для злѣйшаго изъ злыхъ враговъ?

И для Хилкова это испытаніе еще тяжелѣе и непереносимѣе, чѣмъ испытаніе Іова, у котораго тоже были сразу отняты дѣти; но тамъ налетѣлъ вѣтеръ съ пустыни и охватилъ четыре угла дома, и домъ упалъ на отроковъ и они умерли. А здѣсь, здѣсь еще ужаснѣе, ибо налетѣлъ тоже вѣтеръ, вѣтеръ суетвѣрія и злобы и тоже отъ пустыни, отъ пустыни грѣха и порабощенія другихъ, но и вѣтеръ и пустыня слились здѣсь въ лицѣ родной матери, выносившей тебя, ласкавшей тебя когда-то въ дѣтствѣ и безнадежно увѣренной въ томъ, что она дѣлаетъ тебѣ-же добро.

Чувствовать ножъ, вонзающійся въ шею, и знать, что этотъ ножъ вонзаетъ родная рука, что можетъ сравниться съ этимъ испытаніемъ?

И я дивлюсь и благоговѣю предъ величіемъ души Хилкова. Онъ разстался на вокзалѣ съ дѣтьми, съ женой, съ матерью и одинокій, оставленный, вернулся опять въ свою долгую, томительную ссылку.

О ТАЙНѢ БЕЗСТРАШІЯ

У вдовы Анисьи, которой Л. Н. часто помогалъ по хозяйству, развалился сарай и надо было строить новый.

— Сдѣлаемъ!—успокоилъ ее Л. Н., и сталъ готовить лѣсъ и рѣшетникъ для постройки.

Самъ вырубилъ въ лѣсу осины для главныхъ столбовъ, которые называются почему-то сохами, наготовилъ тоненькихъ осинокъ для слегъ, потолще для стропиль и, когда все было свезено, очищено и обработано топоромъ и рубанкомъ, мы стали копать ямы и укрѣплять столбы. Главнымъ указчикомъ былъ сосѣдь Прокофій, умный толковый крестьянинъ, знавшій всѣ работы по хозяйству.

Покуда дѣло шло внизу и надо было копать, утрамбовывать, дѣлать пазы, долбить дыры, зарѣзать шипы для стропиль, Л. Н. былъ всюду первымъ и работалъ съ большою горячностью съ утра до самого вечера. Засучивъ рукава и окорячивъ длинный брусъ, Л. Н. тесалъ его топоромъ, какъ заправскій мастеръ и радъ радъ былъ, когда Прокофій подойдетъ, глянетъ и нехотя кинетъ:

— Старайсь, старайсь. Изъ тебя толкъ будетъ!

— Рвусь!—улыбался Л. Н.

Черезъ недѣлю были готовы стѣны и выведены стропила.

Наступала очередь класть слегы, т.е. прикрѣплять къ стропиламъ длинные шестиаршинные хлысты, чтобъ по нимъ потомъ вылетать тонкій лещинникъ, на который уже будутъ класть солому и укрѣплять каждый снопъ свяслами къ слегѣ. Слегы поэтому клали довольно часто и прочно приколачивали ихъ къ стропиламъ большими деревянными гвоздями.

Но для того, чтобы вогнать этотъ гвоздь, надо было

раньше буравомъ просверлить дыру насквозь и въ слегѣ и въ строилѣ и тогда уже обухомъ гнать заранѣе вытешенный изъ крѣпкаго, обыкновенно, кленоваго дерева, длинный гвоздь.

Вотъ эта-то работа сверленья и оказалась для Л. Н. самой трудной.

Еще первую слегу, близкую къ краю крыши онъ кое какъ съ трудомъ просверлилъ и, стоя на лѣсенкѣ, и часто хватаясь одной рукой за сохи и за выступъ строилъ, онъ забилъ деревянный гвоздь. Но когда надо было прикрѣпить вторую слегу повыше и когда на лѣсенкѣ стоять уже нельзя было, а надо было примоститься на самомъ строилѣ, Л. Н. не рѣшался это сдѣлать.

— Да ты не бойсь, дѣлай. Смотри какъ я, — тянулъ его за собой Прокофій.

Л. Н. вылѣзъ, окорячилъ строило, какъ Прокофій, но только взялъ было буравъ и откинулся немного, чтобы установить затравку бурава и начать сверлить, какъ буравъ выпалъ у него изъ рукъ. Голова закружилась, онъ зашатался и быстро быстро сползъ съ лѣстницы и ухватился за край строила.

— Нѣтъ. Богъ съ нимъ. Видно, я не научусь это дѣлать.

— Да ты погоди убѣгать-то, — стыдилъ его Прокофій. — Пятки показать всегда успеешь. А ты вотъ смотри, какъ я дѣлаю.

Л. Н. опять влѣзъ, опять окорячилъ, какъ Прокофій, строило и только взялъ было буравъ и поставилъ затравку, какъ онъ опять зашатался, буравъ опять выпалъ изъ рукъ и Л. Н. ползкомъ и бокомъ добрался снова до лѣсенки и слѣзъ на землю.

— Не буду! — рѣшилъ онъ. — Дѣлайте сами.

Тогда Прокофій оставилъ работу, тоже спустился по лѣсенкѣ внизъ и, взявъ Л. Н. за руку, отвелъ его въ сторону и говоритъ:

— Знаю я, отчего ты шатаешься на строилѣ. Ты внизъ глядишь?

— Вѣрно, — подтвердилъ Л. Н.

— Ну вотъ видишь, такъ нельзя. Оттого и голова

кружится и глаза разбѣгаются. Ты смотри на работу, упрись глазами въ стропило, гляди на буравъ и на то мѣсто, гдѣ сверлишь, и знай, повертывай себѣ. Попробуй, увидишь, какъ ладно будетъ.

Л. Н. просіялъ.

— Вотъ хорошо бы было. А, пожалуй, ты правъ.

И онъ опять полѣзъ на верхъ.

Опять окорячилъ стропило, опять взялъ въ руки буравъ, поставилъ затравку и глазъ не спускаетъ съ бурава. Повертѣлъ повертѣлъ буравомъ, благополучно просверлилъ слегу и стропило и вогналъ первый деревянный гвоздь.

Восторгамъ Л. Н. не было конца.

— Уразумѣлъ, уразумѣлъ!—кричитъ онъ Прокофію, и молодцовато перешелъ къ другому стропилу и сталъ сверлить другую дыру.

Когда мы вечеромъ закончивъ прибавку слегъ, возвращались съ работы, Л. Н. сказалъ:

— Ну, знаете, научился я за сегодняшній день столько, сколько въ другой разъ и за годъ не успѣешь. Маленькое наблюденьце Прокофія, а какой оно большой глубины! Только теперь я понялъ тайну безстрашія и въ другихъ областяхъ жизни.

Помню, съ какимъ удивленіемъ и безграничной завистью я будучи офицеромъ, смотрѣлъ во время артиллерійскаго боя на «работу» этихъ маленькихъ немудрененькихъ пушкарей, прилаживавшихъ и вгонявшихъ зарядъ съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, будто надъ головами ихъ не грохоталъ адъ орудій, кругомъ ихъ не рвались снаряды, разрывая на части лошадей и людей. Для меня была не понятна тайна ихъ мужества, не та основная, глубокая тайна, которая вытекаетъ изъ полной покорности Призвавшему къ жизни, эта покорность слишкомъ далека и о ней нельзя помнить каждый разъ, когда приходишь къ жерлу и дѣлаешь наводку; — для меня не была понятна другая тайна, тайна той простой приладки, которая непременно должна быть и которая одна только должна помогать выстаивать въ этомъ аду цѣлыми часами и посылать залпы за залпами.

— Теперь я вижу, что приладка здѣсь та же самая, что

у Прокофія. Не гляди внизъ. Смотри на работу! Пушкарь видитъ предъ собою только зарядъ, прицѣлъ и дуло, и весь поглощенъ только этимъ и оттого и дѣлаетъ свою «работу».

Ту же тайну безстрашія можно видѣть и въ работѣ врачей подъ огнемъ въ боевой линіи. Надъ головой свистятъ пули, летятъ осколки снарядовъ, всюду грохотъ, стонъ, колебаніе неба и земли, а онъ наклонился надъ раненымъ и ведетъ туръ за туромъ свой бинтъ, не спѣша и поправляя плохо легшую полоску холста. Онъ то же видитъ только своего больного съ его ранами и брызжущей кровью и больше ничего. Онъ тоже знаетъ приладку Прокофія и смотритъ только на работу. Въ этомъ все. И въ этомъ же тайна безстрашія духовной работы. Вы посмотрите только, какой жестокой артиллерійской бой приходится выдерживать каждому изъ насъ, когда онъ задумается надъ запросами души и рѣшитъ жить не для утѣхи плоти, а для радости въ Богѣ. Какую бѣшенную атаку предпринимаютъ на него всѣ силы міра и сколько нужно мужества и отваги, чтобы подъ этимъ огнемъ продолжать свою работу надъ собой. И мы продолжаемъ, и продолжаемъ только потому, что не смотримъ внизъ, а видимъ предъ собой только душу нашу, только этотъ предметъ работы и оттого безстрашно дѣлаемъ свое дѣло. Если же мы хоть на мгновеніе подумаемъ о послѣдствіяхъ, о тѣхъ лишеніяхъ, какія намъ предстоятъ, о гоненіяхъ, о грозящей враждѣ и т. д.,—у насъ сейчасъ же, какъ у стоящаго на стропилѣ, начинается кружиться голова, онъ шатается и летитъ постыдно внизъ. — Христось сказалъ: Ненадеженъ тотъ пахарь, который, положивъ руку, глядитъ по сторонамъ. Это та же мысль и такъ же полна безцѣнной мудрости, хранящей человѣка отъ одного изъ самыхъ губительныхъ соблазновъ души и дающей въ руку человеку надежный факелъ въ ея исходѣ изъ тьмы.

Это было въ 85 г., когда были еще свѣжи въ памяти ужасы пережитыхъ погромовъ. И вотъ, какъ-то разъ, читая сборникъ старыхъ еврейскихъ легендъ, которыми Л. Н. очень увлекался въ то время, онъ указалъ на одну изъ нихъ:

— Какая это тонкая и богатая чувствомъ вещь!.. „Плачь патріарховъ“ называется и какъ подходитъ къ погромнымъ днямъ. Я бы ее такъ пересказалъ.

И глубокіе глаза его оживились огнемъ вдохновенія.

— И было... Въ эги новые, черные дни кровавыхъ ужасовъ стонъ народа дошелъ до престола Всевышняго и отозвался въ чертогахъ Неба скорбнымъ воплемъ:

— Иеремія, Иеремія!.. Иди и возвѣсти патріархамъ о горѣ народа, вызови ихъ изъ могилъ, пусть подымутъ плачь и сѣтованіе, ибо они умѣютъ плакать и молиться.

И вотъ, послушный голосу, вздыхая, блуждаетъ печальный пророкъ по грустнымъ берегамъ Иордана и громко зываетъ:

— О, Моисей, о сынъ Амрама! Встань изъ гроба твоего и посмотри на стадо твое. Въ далекихъ степяхъ обширной страны оно снова въ рабствѣ, какъ было въ дни твои. Его сдавили тѣснымъ кольцомъ униженія, и всякій топчетъ его тяжелой пятой своей, думая, что онъ этимъ дѣлаетъ угодное Создателю. Стаи обезумѣвшихъ и напоенныхъ налетаютъ на дома дѣтей твоихъ, грабятъ и убиваютъ всѣхъ, а женъ и дочерей обезчещиваютъ... И трепеть обуялъ народъ твой, и истаеваніе очей стало удѣломъ его, о Моисей, Моисей!..

Крикъ ужаса и скорби вырывается изъ груди Моисея, и онъ спѣшитъ сообщить ужасную вѣсть патріархамъ.

И, собравшись, садятся всѣ они на обломки храма и плачутъ, и сѣтуютъ, и небо покрывается печалью.

Со слезами на глазахъ, въ разодранной одеждѣ, съ пепломъ на головѣ является Авраамъ передъ Богомъ и молить:

— Боже великій! За что приуготовилъ ты дѣтямъ моимъ столько страданій и позора?

И вмѣстѣ съ Авраамомъ сѣтуютъ и скорбятъ ангелы.

Но Небо молчитъ, и предвѣчный судья безмолвенъ.

— Быть можетъ, — продолжаетъ свое сѣтованіе Авраамъ, — дѣти мои согрѣшили, нарушили законъ святой? Такъ пусть же сама Тора свидѣлствуетъ противъ нихъ!..

И, сверкая въ небесномъ сіяніи, показалась лучезарная Тора.

— Дочь моя! — возопилъ Авраамъ. — Вспомни: отверженная всѣми племенами земли, ты была принята только моими дѣтьми. Можешь-ли ты теперь, въ дни ихъ печали и скорби, свидѣлствовать противъ нихъ?

Тора безмолствовала.

— Пусть выступаютъ отдѣльныя буквы Торы, пусть они свидѣлствуютъ противъ сыновей моихъ!...

Но молчали и буквы Торы.

— Владыка міра! — взмолился тогда Авраамъ. — Вспомни вѣрность мою тебѣ и сжался надъ дѣтьми моими. Я оставилъ по зову твоему домъ отца моего, блуждалъ и странствовалъ по дикимъ пустынямъ и безлюднымъ горамъ, чтобы дѣти мои имѣли свой кровъ и пристанище тихое... И ты общалъ мнѣ. Ты говорилъ... Такъ вспомни, Боже, и яви теперь благодать свою.

Ликъ Вседержителя былъ грустенъ и суровъ.

Явился патриархъ Исаакъ:

— По велнію отца моего, великій Боже, и по волѣ Твоей я склонилъ выю подъ ножъ на горѣ и теперь молю Тебя, сними ножъ съ выи дѣтей моихъ. Освободи отъ мученія ихъ.

Ликъ Вседержителя былъ грустенъ и суровъ.

Яковъ вопилъ:

— Жестокія страданія претерпѣвалъ я всю жизнь и

ЛЕГЕНДА О ЯЗЫКѢ

Разъ, когда зашла рѣчь объ одномъ извѣстномъ публицистѣ, вдругъ перемѣнившемъ фронтъ и ставшемъ сильно поносить то, чему еще недавно поклонялся, Л. Н., сдвинувъ брови, сказалъ:

— Тѣмъ хуже для него. Его томить оставленность и ѣсть собственная злоба. Вѣдь, не въ томъ трагедія ренегатства, что человекъ мѣняетъ свой взглядъ и вырабатываетъ новыя убѣжденія. Это бываетъ со многими, весьма искренними людьми, и вся исторія народненія новыхъ религій всегда сопровождалась рядомъ *metanoia*, перемѣны оцѣнки, какъ, на примѣръ, Авраамъ, Павелъ и др., и не въ этомъ ужасъ.

Трагизмъ ренегатства въ той заразѣ клеветливости, которая быстро, какъ язвы проказы, покрываетъ все тѣло, расплзается по душѣ ренегата и превращаетъ его въ ужаснѣйшее изъ порожденій—въ клеветника.

Мудрость древности давно уже отмѣтила этотъ ужасъ въ рядѣ сказаній, притчъ и изреченій. Вотъ, на примѣръ, одно изъ нихъ:

Учитель сказалъ ученику:

— Принеси мнѣ кусокъ самой лучшей говядины!

Ученикъ пошелъ на рынокъ и принесъ языкъ.

Въ другой разъ учитель сказалъ:

— Принеси мнѣ кусокъ самой худшей говядины.

Ученикъ пошелъ на рынокъ и принесъ языкъ.

— Что-жъ это ты?—спросилъ учитель.

— Я исполняю слова господина моего. Не ты-ли самъ училъ, что языкъ — это въ одно и то же время и самое лучшее, и самое худшее въ мирѣ.

Устыдился учитель.

— Вѣрно, сынъ мой,—сказаль онъ и добавиль:—Если онъ добръ,—то нѣтъ ничего лучшаго; если же онъ золь, клеветливъ, то нѣтъ ничего худшаго. Клеветливый языкъ губить троихъ: рассказчика, слушателя и пересказчика. Спросили у змѣи:

— Отчего ты все ползаешь и жалишь жаломъ своимъ?

— Спросите у клеветника, — прошипѣла змѣя: — и у него, и у меня языкъ этого требуетъ.

— Но, какая польза тебѣ отъ ужаленія? Левъ терзаетъ, чтобы жрать, тигръ рветъ свою жертву, чтобы насытиться,—какую же пользу имѣешь ты?

— Спросите у клеветника: и ему, и мнѣ сказано: „Жаль!“ И мы жалимъ.

— Но, почему,—спросили дальше,—жало твое, проникая, въ одно мѣсто тѣла, жжетъ и мучаетъ всюду?

— И вы это спрашиваете у меня? — Спросите лучше у клеветника: онъ говорить здѣсь, а наноситъ ударъ въ Римъ; говорить въ Римѣ, а наноситъ ударъ въ Сиріи.

Учитель продолжалъ:

— Жизнь и смерть во власти языка.

Заболѣлъ въ старину царь и, не видя облегченья, велѣлъ созвать гадателей, волхвовъ, лѣчителей со всей страны своей и приказаль имъ найти средство.

Три дня и три ночи ломали головы волхвы, гадатели, лѣчители и мудрецы Востока и объявили царю:

— Тебя можетъ спасти отъ неминуемой смерти молоко отъ молодой львицы, живущей на волѣ.

— Царь объявилъ, что тотъ, кто доставитъ ему этого молока, получитъ полцарства, и царевна будетъ женой его.

Одинъ изъ придворныхъ, прельстившись наградою, вызвался отправиться въ опасный путь и добыть дорогое лѣкарство. Онъ взялъ съ собой трехъ вѣрныхъ собачекъ и, послѣ долгихъ поисковъ въ оврагахъ и ущельяхъ, нашель логовище, гдѣ жила молодая львица съ своими маленькими сосунами.

Ставъ поодаль отъ логовища, онъ бросиль львицѣ одну собачку. Она была вмигъ растерзана въ куски и съѣдена. На другой день онъ подошелъ ближе и бросиль другую

собачку. Львица растерзала и эту. На третій день онъ подошелъ уже совсѣмъ близко и пустилъ въ логовище третью собачку. Львицѣ собачка понравилась, и она подпустила ее къ сосцамъ. Видя, что сердце львицы смягчилось, рѣшился подойти къ ней и придворный и, ласкаясь, надоилъ изъ сосцовъ ея въ кувшинчикъ драгоцѣннаго молока.

Прикрывъ дорогую ношу обѣими руками, онъ быстро пустился въ обратный путь, оставивъ собачку у львицы.

По дорогѣ, послѣ всего пережитаго, онъ почувствовалъ усталость и прилесть.

И вотъ заспорили части тѣла его.

Ноги говорятъ:

— Кто можетъ сравниться съ нами? Не будь насъ, онъ не дошелъ бы до львиного логовища.

Руки говорятъ:

— А безъ насъ кто надоилъ бы молоко?

Голова сказала:

— Если бы я не придумала средства, ничего бы не вышло.

Языкъ молчалъ, но потомъ и онъ высунулся и залепеталъ:

— А если бы я не говорилъ ласковыхъ словъ собачкамъ и львицѣ...

— Молчи! — закричали на него всѣ части тѣла. — Ты лежи себѣ въ своей мокрой тѣмѣ и не смѣй ровняться съ нами!

— Погодите же, я вамъ отомщу, прошипѣлъ онъ и юркнулъ въ темноту.

Проснулся придворный, прибылъ во дворецъ и, когда подносилъ царю драгоцѣнное средство и хотѣлъ сказать слово привѣта, съ языка вдругъ сорвались слѣдующія слова:

— Возьми, великій властелинъ, собачье молоко, которое я тебѣ принесъ.

Побагровѣлъ царь, вскипѣлъ гнѣвомъ и велѣлъ вести на висѣлицу дерзкаго придворнаго.

И его повели.

Но вотъ, когда всѣ части тѣла вострепетали страхомъ и подняли плачь, языкъ говорить имъ:

— Что? Захотѣлъ—казнилъ васъ, захочу—и помилую.
Тогда взмолились части тѣла:

— Спаси, дорогой! Мы видимъ силу твою!

Обернулся осужденный и говорить воинамъ, ведшимъ его на казнь:

— Ведите меня къ властелину, я несу ему здоровье и жизнь.

И когда его снова привели къ государю, онъ палъ предъ нимъ на колѣни и молвилъ:

— Да живетъ господинъ мой!

И рассказалъ, какъ онъ молоко добылъ собачками и оттого сказалъ: „собачье.“ Но оно молоко львицы.

— Да пьетъ государь мой и будетъ живъ!

Позвали лѣчителей и мудрецовъ, тѣ признали, что молоко отъ львицы. И пилъ властелинъ и выздоровѣлъ, а придворный получилъ обѣщанную награду.

Вотъ, что такое языкъ!

— Хорошъ кусокъ говядины,—заклучилъ Л. Н.,—такой же кусокъ и тотъ публицистъ, о которомъ мы говоримъ.

СЛУЖИТЕЛИ БОГА

— Нѣтъ, какъ хотите, — сказала разъ Левъ Николаевичъ, — но каждый разъ, когда думаешь о древнемъ, о старинѣ, о далекомъ, все представляется въ какомъ-то особомъ, лучшемъ видѣ, какъ будто то огромное горло вѣковъ, сквозь которое старина глядитъ, — и очищаетъ, и увеличиваетъ въ одно время лицо минувшаго.

Возьмите, на примѣръ, тѣ величественные образы Божьихъ слугителей, сказанія о которыхъ сохранились еще и до нашихъ дней.

Развѣ можемъ мы сравнить это съ тѣмъ, что мы видимъ теперь? Не будемъ спорить, была-ли тамъ истина въ древнихъ храмахъ или нѣтъ, но фигуры ихъ стражей и водителей встаютъ передъ нами во весь свой исполинскій ростъ.

Вотъ, на примѣръ, сказаніе изъ временъ разрушенія перваго храма:

Утомленные боемъ и упоенные кровавой побѣдой суровые воины Вавилона отдыхали, давъ огню довершить остальное. Сіонъ горѣлъ. Пламя ползло по щелямъ и сводамъ, и медленно глотало святыню за святыней. Все погибло.

И вотъ раскрылась кровля храма, и священники парами, облаченные въ бѣлую одежду, вышли наверхъ.

У одного въ рукахъ была курильница съ ѳиміамомъ; у другого — священная лира; у третьяго — рогъ свободы. Но благовонный ѳиміамъ не курится въ кадилѣ, молчитъ святая лира, и звуки замерли въ рогѣ, откуда нѣкогда возвѣщалась свобода.

Отъ священнаго сонма отдѣлился старецъ, самъ первосвященникъ. И онъ въ полномъ облаченіи. Уримъ и ту-

мимъ блестятъ на груди его, и святыя одежды окружають старца сіяніемъ.

Онъ тихо приблизился къ краю кровли, объятай уже огненными языками, и сказалъ:

— Владыко міра! Ты ниспослалъ огонь на храмъ Твой, ибо безъ Твоей воли никто не былъ въ силахъ сдѣлать это. Пламя пробивается вверху, мы задыхаемся въ дыму. Благодаримъ Тебя, что Ты не далъ намъ дожить до того, чтобы тамъ, гдѣ стоялъ священный Кивотъ Твой, совершалось служеніе идоламъ вавилонскимъ. Мы, — священники—теперь уже не нужны. Кому же, Господи, вручу я знакъ своего достоинства, что Ты мнѣ передалъ въ лучшіе дни?..

И старецъ вынулъ изъ-подъ одежды золотой ключъ, которымъ только-что заперъ Ковчегъ Завѣта, и высоко поднялъ его къ небу.

Изъ-за тучъ протянулась рука и подхватила ключъ.

Тогда старецъ стремительно ринулся съ кровли въ будущее пламя, а за нимъ священники. Стѣны тотчасъ рухнули и покрыли ихъ останки.

ЛЕГЕНДА О ПАТРИАРХЪ

Рѣдко какая бесѣда Льва Николаевича съ крестьянами обходилась безъ религіозной темы.

Нѣтъ—нѣтъ да и заговорятъ о Богѣ, о Христѣ, о писаніи. Все больше, разумѣется, разбирали и толковали Евангеліе, Но когда Левъ Николаевичъ былъ занятъ изученіемъ въ подлинникъ Ветхаго завѣта, въ бесѣдахъ часто упоминались герои библейскихъ сказаній. Съ особенной любовью отзывался Л. Н. объ Авраамѣ.

— Вотъ послушайте,—сказалъ онъ разъ,—какой человекъ былъ Авраамъ и какія мысли были у него еще сѣзидмалѣтства. Въ древнихъ преданіяхъ говорится, что Терахъ, отецъ Авраама, былъ язычникъ и велъ торговлю идолами. Вотъ разъ отецъ ушелъ изъ дому, а сыну наказалъ:

— Смотри, продавай идоловъ, только цѣну бери хорошую.

Приходитъ язычникъ, посмотрѣлъ на товаръ, выбралъ себѣ идола и спрашиваетъ цѣну.

А Авраамъ ему:

— Скажи на милость, сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестьдесятъ,—отвѣчаетъ тотъ. Только зачѣмъ тебѣ это знать?

— А вотъ зачѣмъ. Тебѣ уже 60 лѣтъ, а ты хочешь поклоняться, какъ Богу, деревянной вещи, которая вчера только сдѣлана. О, слѣпота! О, неразуміе!

Покупатель ушелъ въ глубокомъ раздумьи.

Немного погодя пришла женщина и принесла въ даръ идоламъ полную чашку муки. Поставила она чашку у ногъ божковъ, поклонилась, пошептала и ушла.

Возгорѣлось сердце Авраама ревностью.

Взялъ онъ палку, разбилъ въ щепы всѣхъ идоловъ, кромѣ одного самаго большого. Ему онъ всунулъ въ руки палку и отодвинулъ его на середину побоища.

Къ тому часу вернулся отецъ и видитъ, страшный раззоръ въ избѣ.

Онъ схватился за голову.

— Что случилось? Что такое? Кто это сдѣлалъ?

Авраамъ говоритъ:

— Слушай, отецъ, и дивись. Пришла женщина изъ деревни и принесла въ даръ богамъ полную чашку муки и поставила ее у ногъ идоловъ. Только она ушла, вдругъ слышу, поднялся страшный шумъ. Идолы заспорили, кому изъ нихъ съѣсть принесенную муку, каждый хотѣлъ себѣ. Споръ скоро перешелъ въ драку и въ общей свалкѣ самый большой идолъ схватилъ палку и сталъ ею бить всѣхъ безпощадно... и вотъ видишь: всѣ разбиты.

— Обманщикъ!—вскричалъ отецъ. Развѣ идолы могутъ говорить, ссориться, драться? Развѣ они живые?..

Авраамъ прильнулъ къ рукѣ отца:

— Отецъ, отецъ! какую правду ты говоришь! Какую глубокою правду! Зачѣмъ же ты вѣришь имъ?

Стало извѣстно объ этомъ царю той страны, Нимвроду.

Призываетъ его Нимвродъ, устремилъ на него свой гнѣвный взоръ и грозно воскликнулъ:

— Негодный! Ты противъ нашихъ боговъ и смущаешь народъ!? Вотъ огонь, поклонись нашему Богу.

— Государь,—отвѣчалъ Авраамъ неустрашимо,—но можетъ быть ты лучше велишь мнѣ поклониться водѣ, которая тушитъ огонь? Она сильнѣе.

— Хорошо! Пусть будетъ по твоему: поклонись водѣ!

— Но могу ли я обидѣть облака, отъ которыхъ берется вся вода на землѣ, для рѣкъ и морей?

Нимвродъ сказалъ:

— Ну, такъ поклонись облакамъ!

— Но что облака противъ вѣтра, который гонитъ ихъ и разноситъ по всему лицу міра?—продолжалъ Авраамъ.

— Такъ поклонись вѣтру!

— Ахъ, вѣтру? Но что скажетъ Тотъ, Который управляетъ и огнемъ, и водою, и вѣтромъ? Слѣпецъ! Ты не видишь руки великой, правящей вселенной. Опомнись!

Нимвродъ смутился духомъ, опечалился и отпустилъ съ миромъ Авраама.

ЛЕГЕНДА О СОКРАТЪ

Когда я учительствовалъ въ Ясной Полянѣ и вечерніе часы посвящалъ занятіямъ со взрослыми, эти занятія частіе посѣщалъ и Левъ Николаевичъ

Вотъ приходитъ онъ разъ и приноситъ новую книжку, отпечатанную въ Москвѣ.

— „Сократъ“—говорить,—названіе книжки. Это былъ мудрецъ греческой страны и задолго еще до Христа училъ людей правдѣ и истинной жизни. Хотите послушать о его жизни, о бесѣдахъ и какъ онъ встрѣтилъ смерть?

Всѣ очень оживились.

— Читай, читай! пожалуйста! — стали просить его крестьяне.

— О правдѣ мы всегда слушать готовы!

И ровнымъ внятнымъ голосомъ Л. Н. сталъ читать имѣ наиболѣе яркія мѣста новой книжки.

— Хорошо!—похваляли слушатели.

— Ужъ вотъ хороша-то! Истинно Божій человекъ былъ!

— Только лицомъ изъ себя неказистъ былъ,—замѣтилъ молодой парень въ красной рубахѣ, щеголь и первый балагуръ деревни.

— Лицомъ!?!—передразнилъ его сосѣдь-старикъ. Неужли-жъ всякому хороходы водить, какъ тебѣ, и въ зеркальце на рожицу смотрѣть и прихорашиваться?! Небось, съ лица не воду пить!..

Услыхалъ споръ Л. Н. и говоритъ:

— Есть древнее сказаніе объ этомъ. Вотъ послушайте, когда Сократъ бывалъ въ чужихъ странахъ, чтобъ видѣть жизнь людей и узнать нравы ихъ, ему пришлось разъ долго пробыть у одного царя при дворѣ. Слава о его мудрости

далеко разошлась и къ нему приходили люди съ поклономъ и за совѣтомъ.

Пришла и дочь царя. Посмотрѣла на Сократа, увидала его корявое, скрученное лицо съ некрасивымъ носомъ и некрасивыми губами, отвернулась и говорить:

— Господи!—Столько мудрости, и въ такомъ сосудѣ!

Она хотѣла сказать: „въ безобразномъ сосудѣ“ и не сказала. Но Сократъ понялъ, не сдѣлалъ вида обиды и завелъ съ ней рѣчь о хозяйствѣ и богатствахъ отца ея.

— Вотъ, скажи мнѣ, царица,—говорить онъ ей,—въ чемъ держите вы въ погребахъ вино? Въ какихъ сосудахъ?

— Въ глиняныхъ, отвѣтила она.

— Какъ,—удивился онъ,—въ глиняныхъ? Какъ и всѣ простые люди? Неужели-жъ у царя не хватитъ золота и серебра, чтобъ подѣлать дорогіе сосуды для вина?

Показалось это слово царицѣ задорнымъ. Взяла ее обида. „Ну, погоди-жъ, я покажу тебѣ, что золота и серебра хватитъ у насъ“.

И велѣла мастерамъ сдѣлать золотые и серебрянные сосуды, перелить въ нихъ вино изъ глиняныхъ, а старые сосуды разбить.

Вотъ проходитъ время, виночерпій докладываетъ царицѣ, что вино скисло и испортилось.

Она къ Сократу.

— Это ты мнѣ такой злой совѣтъ далъ!

Сократъ отвѣчаетъ:

— Я хотѣлъ тебѣ только отвѣтить на твое слово о сосудѣ. Помнишь, что ты обо мнѣ сказала. Мудрость, какъ и вино, сохраняется въ простыхъ сосудахъ.

Устыдилась царица и говорить:

— Но есть-же мудрецы и красивые при томъ.

— О, да!—сказалъ Сократъ.—Но они были-бы еще мудре, если-бы были менѣ красивы, ибо красота родитъ пустую гордость, а гордость портитъ душу.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА

Мы шли лѣсомъ, пробираясь на покось, на зеленый лужокъ, разостлавшійся широкимъ бархатнымъ ковромъ на извилистомъ берегу тихой рѣчки Воронки.

На берегу этой рѣчки въ старину вольничаль знаменитый Кудеяръ, о которомъ во всей округѣ еще до сихъ поръ живы грозныя легенды.

Вспомнилъ о немъ и Л. Н. и сказалъ:

— Вотъ, прислушайтесь ко всѣмъ этимъ сказаніямъ и къ тону, и къ моменту, когда они разсказываются, и вы вездѣ увидите то особое, мягкое, дающееся только людямъ, умѣющимъ видѣть глубину вещей,—отношеніе народной души къ ужасамъ злого сердца. Этихъ ужасовъ нѣтъ, они таютъ и свиваются, какъ вѣется вверхъ и вдаль, исчезая, пелена тумана, когда брызнуть на долину первые лучи зари.

Въ міропредставленіи народа зла нѣтъ. Отсюда и кротость, и нежеланіе итти на брань со зломъ, ибо зло—это только видѣнія ночи, призракъ тьмы. Ахъ, ахъ, мой молодой другъ, какъ проживешь долгій вѣкъ и насмотришься этихъ бурь и бореній, и вспомнишь этотъ длинный, длинный караванъ событій съ ихъ подъемами и опусканіями, побѣдами и пораженіями, и съ этой ужасной, несмолкаемой шумихой человѣческихъ жадныхъ хотѣній,—какъ вспомнишь все это,—Боже, какой правдой, думаешь, дышетъ этотъ мудрый, глубокій взглядъ много пережившаго старика-народа. Онъ твердо знаетъ, что человѣкъ отъ добра, а не отъ зла, и долженъ поэтому самъ дѣлать одно только добро. Чудное я сказаніе по этому поводу знаю. Я, кажется, говорилъ вамъ мелькомъ о немъ, но теперь я все глубже и глубже обдумываю и вижу, какое оно чудной силы вещь. Вотъ это сказаніе:

И задумалъ Господь новое созданіе.

Дивное сочетаніе неба и земли.

— Не твори его!—сурово замѣтилъ ангелъ Правды, Онъ ложью осквернитъ святилище Твое; онъ возвеличитъ на землѣ обманъ, и соблазнъ будетъ всюду властвовать.

— Не твори его!—взмолился ангелъ Справедливости. Это будетъ жестокое существо, обижающее всѣхъ и любящее только себя. Онъ будетъ глухъ къ страданіямъ, другихъ, и вопли обиженныхъ не дойдутъ до сердца его.

— Онъ кровью напоитъ землю! — добавилъ ангелъ Мира,—и убійство сдѣлается занятіемъ его.

Омрачилось чело Вседержителя.

Дивное сочетаніе неба и земли показалось Властителю ничтожнымъ.

И въ предвѣчной волѣ Его уже зрѣло рѣшеніе.

— Не быть!..

Но вотъ предъ Престоломъ Жизнедавца предстало младшее и любимѣйшее дитя Его,—Милосердіе.

Оно обняло колѣни Отца.

— Сотвори его!—молило оно. Когда всѣ слуги Твои оставятъ его, я отыщу его, помогу ему и самые недостатки его обращаю къ добру. Я буду охранять его, чтобъ онъ не уклонился отъ пути мира, отъ законовъ справедливости и завѣтовъ правды. Я приближу его душу къ состраданію и научу его милосердствовать слабѣйшему.

Просіяло чело Вседержителя, и благостью засвѣтилось лицо Его.

Дивное сочетаніе неба и земли вырисовалось и приняло Его образъ и Его подобіе.

— Живи!—дохнулъ на него Вседержитель,—и знай, что ты—сынъ Милосердія.

Такъ былъ сотворенъ человѣкъ.

Вотъ уголъ взгляда народной души. И поэтому душа эта такъ близка къ Евангелію, къ этой вѣсти милосердія и доброты,

Или эта притча:

Дочь царя обручена съ однимъ богатымъ принцемъ. Женихъ не жалѣетъ никакихъ средствъ, чтобъ угодить невѣстѣ и доставить ей всякія удовольствія. Онъ строитъ

ей мраморные съ золотой рѣзьбой дворцы, даетъ въ честь ея роскошные пиры, осыпаетъ дарами, золотомъ, жемчугомъ и камнями самоцвѣтными... Но невѣста холодна и сердца не клонитъ къ пирамъ и подаркамъ. Почему? Она—дочь царя.

Такъ и съ душой. Земля доставляетъ ей все сокровища своихъ благъ и радостями плоти усыпаетъ путь ея. Но она холодна и сердца не клонитъ къ тлѣннымъ утѣхамъ, Почему? Она—дочь Бога...

И здѣсь то же возвышеніе души и очарованіе красотой добра.

Но неволью возникаетъ вопросъ:

— Почему же мы чувствуемъ злыя хотѣнія въ себѣ? Отчего они волнуютъ насъ, отчего влекутъ въ бездну ужасовъ и тьму грѣха? Гдѣ тайна его?

Послушайте, какъ и на это отвѣчаетъ мудрость древнихъ:

Былъ господинъ, у котораго былъ садъ съ прекрасными плодами.

И приставилъ онъ къ воротамъ сада сторожами съ правой стороны слѣпому, а съ лѣвой—хромому. „Другихъ не пустять и сами не съѣдятъ“,—думалъ господинъ. И, успокоенный, пошелъ въ свои хоромы.

Когда настала полночь и засіяли огни въ небѣ, и всплыла луна,—краса плодовъ еще сильнѣе заблестала. Говоритъ хромой слѣпому:

— Какъ прекрасны плоды въ вертоградѣ!

— Принеси и будемъ ѣсть,—шепнулъ слѣпой.

— Развѣ я могу?—отвѣтилъ со вздохомъ хромой.— Вотъ, дай, я сяду тебѣ на плечи, а ты поднеси къ дереву. Я сорву и тебѣ дамъ.

И послушался слѣпой, сдѣлалъ, какъ сказалъ хромой,— и рвали, и ѣли плоды.

Къ утру приходитъ господинъ.

Сторожа на мѣстахъ, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону воротъ, а плоды сорваны.

— Признайтесь,—закричалъ на нихъ господинъ.—Вы впустили вора.

— Клянемся, вора не было, господинъ!—отвѣтили въ одинъ голосъ сторожа.

— Ну, такъ кто-нибудь изъ васъ это сдѣлалъ. Повинитесь!..

— Видитъ господинъ, мою немощь,—сказалъ хромою,—я и двухъ шаговъ не сдѣлаю по ровному пути.

— Видитъ господинъ, мою темноту,—указалъ на свои запавшіе глаза слѣпой.—Я дороги не знаю.

Но господинъ посадилъ хромого на плечи слѣпому, подвелъ ихъ къ дереву и говорить:

— Вотъ, какъ вы сдѣлали!

И ввергъ ихъ въ тьму.

Такъ и человѣкъ. Лежитъ мертвое тѣло, чистое, покорное, и все свѣтится покоемъ и тишиной.

— Могло-ли я грѣшить?—говорить оно.

Я слѣпо, и соблазновъ не вижу, и дороги не знаю къ нимъ.

— А я развѣ могу грѣшить?—говорить душа.—Съ того часа, какъ я вышла изъ тѣла; я, какъ чистая птица, витаю въ воздухѣ. И чистой птицей витала я и раньше, еще прежде, чѣмъ въ тѣло вошла.

— Такъ вотъ, какъ вы сдѣлали,—говорить Господь.—И беретъ тѣло, соединяетъ съ душой и подводитъ къ дереву жизни съ прекрасными плодами...

И начинается жизнь человѣка.

Въ этомъ сочетаніи и вся тайна—весь ужасъ, весь соблазнъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся томительная радость жизни. Именно, томительная.

Ибо жизнь въ трудѣ, въ работѣ надъ собой, въ тратѣ силъ для людей и служеніи Ему—эта жизнь радостна, мила, хороша, но въ ней нѣтъ той феерверочной цвѣтнотости и пьянящаго, лучистаго веселья, какія знаетъ жизнь плоти.

И слава Богу, что это такъ.

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

— У насъ сегодня странный гость! — встрѣчаетъ меня Левъ Николаевичъ и разводитъ руками: не понимаю такихъ людей. Оригиналь. Бродить съ мѣста на мѣсто. И большой допытчикъ. Носится съ идеей о какой-то уравни- тельной нахотѣ и о превращеніи всей Россіи въ сплош- ную равнину безъ горъ и безъ долинъ. Пошелъ осматри- вать нашу мѣстность, долженъ скоро вернуться.

Черезъ полъ часа слышу, кто то шаркаетъ усиленно ногами о каменные плиты небольшой площадки кабинета и грубо огрызается съ собакой, мирно лежавшей у дверей и умильно пошевеливавшей короткимъ хвостомъ.

— Пшелъ! Пшла!... Что развалилась? Тоже развѣлась на барскихъ харчахъ. Небось, вкусна мужицкая кость, хи-хи?...

Дверь была полуоткрыта, и всѣ эти слова были ясно слышны и ясно было, что слова говорятся больше для слышащихъ людей, чѣмъ для собаки. Это неприятно рѣ- зало.

Когда онъ вошелъ, онъ не рукой, а легкимъ кивкомъ головы сбросилъ мягкую черную шляпу на столъ и, по- правивъ сбившуюся на лобъ жиденькую темную прядь во- лось, мелко-мелко захихикалъ.

— Мило, идилично и схима впереди—хи-хи...

— Это къ чему? — обернулся Л. Н., отрываясь отъ стежка и вытягивая насученную, блестящую отъ вара дратву.

— Да вотъ, сидите, шьете сапогъ, и смотрите въ паркъ и на позолоченное закатомъ небо...

Л. Н. надвинулъ брови и углубился въ стежки.

— Какъ кому кажется, — нехотя отвѣтилъ онъ послѣ

длинной паузы.—Кому это кажется идилліей, а для кого это брешь изъ тюрьмы. Скажу вамъ откровенно,—хотя при вашей съ шпильками насмѣшливости мнѣ трудно по душѣ говорить; но побораю въ себѣ неловкость и говорю; скажу вамъ, что если бы Богъ привелъ меня жить и кормиться моимъ сапожнымъ трудомъ, я былъ бы искренно счастливъ и считалъ бы это счастьемъ и для своей семьи.

Гость придвинулся ближе.

— Что же! Это совсѣмъ легко сдѣлать, Левъ Николаевичъ,—произнесъ онъ, сжимая губы и ударяя на „О“ по тверскому обычаю. Возьмите колодки и пойдѣмъ, на деревню шить сапоги, у насъ въ Весьегонской округѣ сапожникамъ хорошо плотять...

И вы будете счастливы!..

Л. Н. привсталъ, положилъ руку ему на плечо и не глядя ему въ глаза, быстро-быстро и съ большой горячностью заговорилъ:

— Нѣтъ, Иванъ Михалычъ, вы должно быть не переживали еще этого и своимъ жесткимъ рашпилемъ только бередите чужую язву. Я понимаю, я вамъ кажусь лгуномъ и обманщикомъ и безъ юродства говорю, что очень вамъ благодаренъ за это. Зрѣлице своей собственной развороченной язвы души меня ужасаетъ и воспитываетъ. Я самъ часто и еще болѣе безпощадно люблю бередить и растревлять ее. Мнѣ кажется, когда она кровоточитъ она обновляется и дѣлается свѣжей раной, и затыжной видъ язвы исчезаетъ.

— Это въ хирургіи называется,—освѣжить края. Это именно я и дѣлаю. Страсть не люблю припарокъ и компрессовъ Скальпель цѣлитель.

— Только вы работаете безъ наркоза,—вставилъ Л. Н.

— Да, я наркоза терпѣть не люблю. Я работаю только съ тѣми, кто самъ мнѣ больное мѣсто поддерживаетъ, какъ тотъ солдатъ на войнѣ въ баракѣ у Пирогова,—обхватилъ размозженную снарядомъ ногу и говоритъ Пирогову: — „Рѣжьте, ваше благородіе!“ Вотъ такихъ я люблю.—Вотъ это овцы моего стада.

— Ну, знаете, я вамъ своей ноги все таки не под-

ставилъ бы для ампутаціи,—пошутилъ Л. Н. и испытующе посмотрѣлъ на него.

На утро мы съ Л. Н. выѣхали пахать полоску вдовы—Анисьи и, когда кончили первый полосьминникъ и уѣлись на межѣ отдыхать, Л. Н. медленно закручивая папиросу (онъ въ то время курилъ еще), тихо сказалъ:

— Мы съ нимъ поздно еще говорили, когда вы ушли. Мнѣ больно признаться и боюсь осуждать, но въ немъ есть что-то глубоко коробящее и даже раздражающее. Эта манера чваннаго учительства, это сверлящее совопросничество. Эта желчная кусливость возраженій и какое-то демоническое торжество, когда ему удастся поставить собесѣдника въ неловкое положеніе, во всемъ этомъ что-то зловѣщее, недоброе, и я считаю такихъ людей большимъ наказаніемъ для интеллигентовъ. Это бродячее жало. Чей-то злой невидимый змѣинный ротъ выдвинулъ его и посылаетъ по свѣту. Этому добродушнѣйшему выхолонному князю, который бываетъ у насъ часто, онъ вчера сказалъ:

— А вы, я вижу, такъ любите графа. (Это на меня то)...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ шутя,—теперь меньше люблю, онъ такой строгій моралистъ сталъ и ничего не признаетъ.

Тогда Иванъ Михалычъ привсталъ, выпрямился во весь свой длинный тощій ростъ и, блеснувъ недобримъ огонькомъ своихъ недобрыхъ сѣрыхъ глазъ, сжалъ губы и выпустилъ, какъ выпускаютъ слюнные пузыри изо рта, такія слова.

— А вы, позвольте васъ спросить, раньше часто занимали у графа деньги?

Стало тихо и всѣмъ сдѣлалось ужасно неловко.

Князь краснѣетъ, ерзаетъ на стулѣ, утираетъ салфеткой ротъ, хотя не пилъ и не ѣлъ въ эту минуту.

А Иванъ Михалычъ пискливымъ фальцетомъ и съ широкой улыбкой на узкомъ изрытомъ оспинами лицѣ, продолжаетъ жалить.

— Я вотъ и спрашиваю только. Ваше молчаніе есть подтвержденіе моего вопроса и теперь позвольте сдѣлать выводъ. Я утверждаю, что вы оттого теперь не любите мо-

раль графа, что онъ сталъ отрицать деньги и не даетъ ихъ взаймы.

Конфузъ. Всеобщее смущеніе. Я старался всѣми силами смягчить впечатлѣніе и въ концѣ увелъ „жало“ внизъ; но сцена, сцена вышла въ высшей степени тягостная, и князь ночью же уѣхалъ. Онъ, дѣйствительно, раньше часто занималъ у меня деньги и даже вчера, кажется, за этимъ же прѣвжалъ.

Были неприятныя выходки и съ другой стороны.

Кто-то изъ мальчиковъ нашихъ, желая уколоть Ивана Михайловича, громко спросилъ у него:

— Какъ пишется ваша фамилія, черезъ „п“—Клопскій, отъ слова „клопъ“ или иначе?

Иванъ Михалычъ нахохлился и процѣдилъ:

— Я не Клопскій, а Клобскій. Черезъ «б» пишется. Отъ слова «клобъ», отсюда «клобукъ». Мой отецъ и дѣдъ всѣ духовнаго званія, и всѣ мы изъ Тверской губ. Теперь вы довольны, молодой филологъ? О, я вижу, изъ васъ выйдетъ большой изыскатель. Одинъ совѣтъ только: Ищите впредь не буквы въ чужихъ фамиліяхъ, а прочтите, что сказано въ евангеліи: ищите прежде Царствія Божія, а остальное все приложится вамъ, даже и буквы въ фамиліяхъ... хе-хе...

Такой свистящій съ тонкимъ шипѣньемъ былъ этотъ смѣхъ, такъ рѣжуще-сладоострастно онъ хохоталъ, колыхаясь тощимъ животомъ, такъ не къ мѣсту и почти кошунственна была эта цитата изъ евангелія, что изъ-за стола началось общее бѣгство. Всѣ возмущены. А онъ еще называетъ себя учителемъ жизни. Сталъ въ позу, растопырилъ ноги и бьетъ себя въ грудь:—„Я—Божьей милостью—учитель жизни!“—Брр... какой то осадокъ желчи чувствуешь въ душѣ.

Въ это время изъ-за зеленой каймы осинового лѣса показалась тонкая, высокая фигура Клобскаго. Онъ шелъ по распаханному полю, пересѣкая борозды и, завидя насъ еще издали, сталъ укоризненно покачивать головой: а потомъ, когда приблизился, и его изрытое оспинами, какъ говорилъ Л. Н., лицо, заливаемое лучами ранняго солнца,

дергалось въ гримасахъ укора и спѣхоты, онъ пискливо заговорилъ:

— Ай, ай, ай! Ну, не видите-ли вы сами, какъ не хорошо поступаете?! Пашете, роете и бороздите землю, какъ пахали, рыли и бороздили наши неуклюжіе дуrolэмы— дѣды. Посмотрите, все косогорье вы изрыли поперекъ и тянете борозду сверху внизъ до самаго лужка, какъ кровельщики крыши кроютъ желѣзомъ. Хребтики идутъ отъ конька до рынвы. Оттого-то и сноситъ у васъ все, какъ съ крыши въ рынву. Чуть дождь, чуть таяніе весенняго снѣга, все по ложбинкамъ напаханныхъ бороздъ сбѣгаетъ внизъ и внизъ уноситъ все, засоряя рѣки, озера, моря. Лучшее добро, лучшія жирныя части земли все уходитъ туда, гдѣ это вовсе не нужно, а здѣсь остается тощій, жидкій колосокъ и, голодный годъ для скота и людей. А вы такъ сдѣлайте, чтобъ все у васъ оставалось. Чтобъ добро тутъ росло. Чтобъ урожай всегда были обломные. Мало того, если вы будете дѣлать по новому, у васъ и горь не будетъ, не будетъ лощинъ и хребтовъ. Все сравняется. Какъ въ евангеліи говорится: «И уравниются пути Господу!» И сдѣлать это можно очень легко. Простѣйшее изъ простѣйшихъ средствъ. Надо измѣнить пахоту. Ведите борозды по косогорамъ не сверху внизъ, а вдоль. И такъ пусть всѣ дѣлаютъ. Тогда вода и вѣтеръ понемногу будутъ сносить съ верхнихъ бороздъ на нижнія и землю и песокъ, и все понемногу будетъ уравниваться. Пройдутъ годы и низины подымутся, а верхи понизятся. И ровнемъ гладнемъ ляжетъ сыра-земля, и на сколько глазъ хватить, все будетъ одно. Попробуйте, возьмитесь за это, и, на васъ глядя другіе возьмутся, а потомъ можно будетъ и законъ такой издать. И вы увидите, какъ преобразится лицо земли. Сколько добра прибавится, сколько сокровищъ увеличится!..

Подошли и мужики съ сосѣднихъ полосокъ и слушали съ интересомъ.

— Оно-бы ничего,—сказаль угрюмый, сѣдой Степанъ,— только лошади наши непривычны по косогорью бокомъ ходить. Свалится и кубаремъ покатится внизъ, съ сохой, съ подвоями, съ палицей и съ тобой.

— Опять-же,—вставилъ низенькій съ огромными ушами Осипъ, — откудова начинать, не знаю. Ежели снизу, все засыплется вразъ, наваломъ такъ и катиться будетъ борода на борозду, а ежели сверху начать отрѣзывать и вести борозды вдоль, лошадь не осилить. Наваль дюже великъ. И полосьминника въ день не вспашешь; и лошадь зарѣжешь.

— Нѣтъ, непутевая это затѣя!—плюнулъ Прокофій.— Это на балалайкѣ потренькивать да въ хоровахъ сказки сказывать объ этомъ хорошо, пуцай дѣвки слушаютъ и ушами хлопають. А для работы оно не гоже.

— Равнять надо землю по другому!—раздался голосъ начетчика Петра. Не горы съ долинами надо обровнять, а барскіе дворы съ мужиками. Вотъ откудова надо перекачать борозды-то.

Л. Н. оживился и сіяя отъ восторга, говорилъ:

— Вы слышите, вы слышите этихъ критиковъ, а? Вотъ чистятъ-то. Нѣтъ, Ив. Мих., какъ они вамъ кажутся?

— Хо-хо-хо!—потянулся онъ съ натянутымъ зѣвкомъ. Старья возраженія. Какъ міръ старо это! На лошадь взваливать вину. Самъ лѣнивъ, какъ чуракъ, и безтолковъ какъ онъ же, а виновата лошадь. Взяться надо. Надо законъ издать, и жизнь заблестала-бы красой. Вы думаете, они первые, я вездѣ слышу эти же слова и потому они цѣны никакой не имѣють. Сплошной народный умъ далекъ отъ глубины и правды. Я ему не вѣрю и мало поклоняюсь.

— А я,—заговорилъ Л. Н.,—считаю его святымъ. Этотъ самый сплошной умъ, какъ вы его называете. Онъ отражаетъ душу народную, а она безмѣрно свята. Святъ и умъ ея.

— Буду спорить, подбоченился Клобскій. Слово святой происходитъ отъ слова «свѣтлый». Свѣтлый, святелый, святой. Стало быть, святость непременно должна быть свѣтла. Сплошной-же умъ—сплошь темный умъ и ничего свѣтлаго въ немъ нѣтъ, а стало быть и ничего святого.

Крестьяне слушали споръ и, ничего не разобравъ побрели къ сохамъ.

— Долдонить что-то рябой!—махнулъ сѣдой старичекъ

и сталъ выпрастывать ноги запутавшейся въ вожжахъ буланки, сердито щипавшей траву уже далеко отъ межи.

Въ тотъ же день Клобскій уѣхалъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и о немъ вѣсти рѣдко доходили въ Ясную Поляну. Слышно было только, что онъ появился метеоромъ въ Смоленской общинѣ у Алехина, побылъ день и исчезъ. О его появленіи Алехинъ такъ рассказывалъ Льву Николаевичу.

— Было уже далеко за полночь, мы все спали на койкахъ въ общей и потушили огни. Вдругъ, слышу скрипъ двери, и на меня пахнуло широкой струей холода. Потомъ мелькнулъ огонекъ спички, и на порогъ показалась закутанная въ пледъ и тревожно озирающаяся высокая фигура тонкаго мужчины.

— Ха-ха-ха! — расхохотался онъ мефистофельскимъ смѣхомъ, потушилъ спичку и направился къ моей койкѣ. Онъ въ темнотѣ досталъ мою руку, потрясъ ее и будить меня.

— Ну, вставайте, поговоримъ.

Я узналъ его. Это былъ Клобскій. Услыхали его голосъ и другіе, поднялись съ коекъ, зажгли свѣтъ, окружили его.

— Какъ же вы пробрались ночью-то?—спрашиваю я.

— А очень просто. Шелъ напрямикомъ черезъ лѣсъ. Небо чистое. Медвѣдица путь показывала. Пришелъ поговорить о сѣздѣ. Слышалъ, что соберутся скоро здѣсь. Хотѣлъ-бы предложить вопросъ.

Мы расхохотались.

— Ну, ужъ вы съ своими вопросами. Знаемъ мы.

Но все-таки всю ночь проговорили съ нимъ, а на утро отвезли на станцію. Онъ куда-то на югъ спѣшилъ.

Изъ новыхъ своихъ открытій онъ намъ сообщилъ, средство, какъ можно спать въ самой дурной зловонной обстановкѣ и дышать чистымъ воздухомъ. Надо лечь на спину, накрыть лицо шляпою и дышать черезъ нее. Воздухъ будетъ фильтроваться и попадетъ въ легкія очищеннымъ.

— Теперь самая отвратительная тюрьма не страшна!— заключилъ онъ торжественно.

Мы долго всей общиной смѣялись этому средству. Ни у кого изъ насъ уже давно никакой шляпы не было.

Разсмѣялся и Л. Н.

— Чудить, конечно. Но что-то въ этихъ чудачествахъ есть заразительное. Какъ хотите, а это хожденіе прямокомъ по лѣсу, въ морозъ и ночью, это чего-нибудь да стоитъ. Отвагой дышетъ. Ему многое простится за это... Какой-же вопросъ хотѣлъ онъ предложить съѣзду?

— Онъ пишетъ трактатъ о соглашеніи выводовъ фізіологіи съ ученіемъ евангелія. Фізіологія и евангеліе, — говоритъ, онъ, — учать одному и тому же.

— Оригиналь! Неисправимый оригиналь! — улыбнулся Л. Н. — И можетъ же придти въ голову такая мысль, — сближать кишки, жилы, желудокъ и мясомолочную кислоту съ кротостью, любовью къ врагамъ и смертью за истину? — Впрочемъ, всякіе люди нужны Богу. Нужны и такіе.

Спустя короткое время въ Ясную пришли вѣсти о новомъ подвигѣ Клобскаго.

Л. Н. рассказывалъ:

— Очевидно, онъ поставилъ своей задачей объѣзжать общины нашихъ друзей и вездѣ, какъ Балда, мутить веревкой спокойное озеро воды. Но въ Харьковѣ эта веревка захлестнула общину мертвой петлей.. Онъ явился туда, поговорилъ съ основателемъ общины, добрымъ и откровеннымъ Митрофаномъ Алехинымъ, братомъ Смоленскаго Алехина, пошелъ осмотрѣлъ садъ, лужайку, поле и, вернувшись къ вечеру, завелъ споръ съ общинниками и сталъ доказывать имъ, что они не умѣютъ жить. А на утро послѣ завтрака онъ поднялся изъ-за стола... выпрямился, крикнулъ и ни на кого не глядя забасилъ въ землю:

— Господа! Я долженъ вамъ заявить, что община ваша отнынѣ остается безъ дома и безъ земли.

Всѣ молчали, не понимая, что это значить.

— Вы изумлены? — поднялъ онъ голову и зазмѣилъ глазами. — Тогда буду прямѣе. Вашъ хуторъ съ постройками, садомъ и пахотной землей теперь мнѣ принадлежить. Я — хозяинъ здѣсь и прошу очистить мѣсто! Вы слышите?! Даю вамъ сроку три дня.

Общинники вѣ себя отъ неожиданности и изумленія окружили Митрофана и стали допрашивать его, что случилось? Не передалъ-ли онъ землю Клобскому? Вѣдь по документамъ хозяинъ Митрофанъ.

Алехинъ былъ блѣденъ, какъ стѣна, дрожалъ, волновался и, быстро накинувъ на себя поддевку, направился къ двери бросивъ на ходу:

— Онъ мародеръ! Я ничего ему не передавалъ.

Потомъ онъ остановился и, обернувшись къ друзьямъ, произнесъ:

— Братья! Вы хорошо знаете, что моя земля ничья, что я ни какихъ правъ собственности не признаю. И только пользуясь этимъ, онъ говоритъ (указываетъ на Клобскаго), что земля его. Я не противлюсь и ухожу. А вы какъ знаете. Хуторъ такъ же принадлежитъ вамъ, какъ и ему. Прощайте!

И онъ ушелъ въ городъ.

Взволнованные, потрясенные общинники одинъ за другимъ стали оставлять домъ и къ вечеру изъ всѣхъ обитателей осталась только одна Дарья съ мужемъ, двоюроднымъ братомъ Алехина.

Она вскинулась на Клобскаго и кричитъ:

— Я тебя рочагомъ отсюда, бѣльмастый! Кто тебя накашлялъ на насъ?

А онъ зажегъ лампочку, сѣлъ у сапожнаго верстачка и сталъ подошву приколачивать къ своему сапогу. Приколачиваетъ и поетъ высокимъ баритономъ свою любимую пѣсенку:

„Превыше разума, Господь, любовь твоя“... И повторяетъ по два раза каждый стихъ.

Попѣлъ, попѣлъ, пригналъ подошву, потомъ поднялся и говоритъ Дарьѣ:

— Ежели вѣрно будете служить, я васъ оставлю у себя. Я вижу, вы умѣете оберегать добро.

И завалился спать.

Два дня спустя пріѣхалъ изъ города Митрофанъ съ старшимъ братомъ, созвалъ сельскій сходъ и заявили, что дарятъ обществу хуторъ съ землей и съ постройками и закрѣпили свое слово въ волости особымъ актомъ.

Когда объ этомъ узналъ Клобскій, онъ сердито зарычалъ, надвинулъ шляпу на брови и исчезъ.

А крестьяне вступили во владѣніе хуторомъ, подѣливъ поровну и землю и все, что было въ домѣ и въ сараяхъ.

Не было ни криковъ, ни ссоръ, и имя Ивана Михайловича, представьте, до сихъ поръ крестьянами воспоминается.

— Не будь онъ, земля не была бы наша, говорятъ они, спасибо ему.

Конечно, оно кончилось хорошо и вышло такъ, какъ я всегда мечталъ, что земля должна быть у крестьянъ, интеллигенты-же должны съ ними работать.

Но этотъ хищный наскокъ на мирную общину людей, виноватыхъ только тѣмъ, что они, не признавая собственности, жили на собственной землѣ,—согласитесь, что этотъ наскокъ недостойная выходка нравственнаго человѣка, да еще учителя жизни къ тому. Хорошъ учитель жизни!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Приѣзжаю я въ Ясную и не помню ужъ по какому поводу мы заговорили съ Л. Н. о Клобскомъ.

— Представьте всплеснулъ Л. Н. руками,—заходилъ онъ сюда недавно. Осунулся, сгорбился. Лицо почернѣло, съжилось. Глаза потухли. Трудно узнать прежняго Ивана Михалыча. Не та поступь, не тотъ голосъ. Нѣтъ ни хихканья ни гоготанья. Измѣнился страшно, какой-то романъ пережилъ, не хотѣлъ рассказывать только, и собирается въ далекій—далекій путь. Последнее время онъ жилъ въ Полтавѣ и по прежнему жалилъ всѣхъ интеллигентовъ, въ особенности насѣдалъ на общинниковъ изъ нашихъ друзей;—но повторить исторію съ харьковскимъ наскокомъ ему не удалось, во первыхъ потому, что о немъ знали уже, многіе изъ харьковской общины жили теперь въ Полтавѣ, а во вторыхъ, у полтавскихъ общинниковъ не было ни земли, ни домовъ, а были только стружки, верстаки да рубанки, и отогнать отъ нихъ работниковъ уже было не такъ легко. Онъ поэтому только строгалъ и пилилъ самихъ общинниковъ, какъ могъ, и заводилъ обширныя знакомства въ полтавскихъ салонахъ, да вмѣшивался въ семейныя дѣла своихъ новыхъ знакомыхъ. Въ

семьѣ одного милаго добраго доктора разыгралась при его участіи цѣлая драма, трогательная и поучительная драма, съ потрясающими подробностями. Докторъ былъ женатъ на второй женѣ и, видимо, былъ счастливъ, какъ ему, конечно, казалось, и только въ исходѣ 14 года совмѣстной жизни онъ почувствовалъ, что любить не ее, а первую жену свою, Людмилу.

Надо замѣтить, что первая жена была осуждена на пожизненное заточеніе въ крѣпости и только потому онъ позволилъ себѣ жениться во второй разъ. Но теперь случилось такъ, что ее изъ крѣпости рѣшили перевести на Сахалинъ и держать на положеніи ссыльно каторжной.

Что-то невыразимо властное и потянуло доктора послѣдовать за своей первой женой и раздѣлить съ ней ея участь. Клобскій былъ въ этомъ дѣлѣ очень дѣятельнымъ секретаремъ, и теперь докторъ уже давно живетъ съ своей женой на Сахалинѣ, а Клобскій ѣдетъ въ Америку, и оттуда черезъ Тихій Океанъ заглянетъ къ нимъ на каторгу. Такъ просто и задушевно излагалъ на этотъ разъ Клобскій свои мысли, и свои планы, и такъ, дѣйствительно было велико то дѣло, которое онъ затѣвалъ, что, признаюсь, мнѣ было очень радостно видѣть въ немъ эту перемѣну. Въ особенности растрогалъ онъ меня, когда разоткровенничался и естественно и прямо въ простыхъ и хорошихъ словахъ изложилъ мнѣ свою скорбную біографію и все грустное одиночество своей изумительно одинокой жизни.

Онъ съ малыхъ лѣтъ былъ брошенъ въ омутъ города и одинъ, безъ родныхъ, онъ бился за жизнь, въ интеллигентскихъ кружкахъ среди студентовъ; курса не кончилъ и поплылъ по бурному плесу жизненной рѣки, безконечно отшвартовываясь то у одной, то у другой гавани.

— Такъ мнѣ эти гавани душу мою измотали,—говорилъ онъ—такъ изныло мое сердце, видя все чужое и чужое, а своего ничего; такъ тяжелить и угнетаетъ меня это, что я плакать готовъ, какъ дитя.

И щеки его стали мокрыя, мокрыя.

— Всю жизнь устраивать другихъ,—продолжалъ онъ,—носиться съ планами, трактатами, проектами. И всю жизнь

вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть, что всѣ эти планы, проекты и трактаты въ сущности ни кому не нужны и всегда встрѣчаютъ только одинъ отпоръ, насмѣшку, критику, тупое противодѣйствіе. Понимаете ли вы, какъ это тяжело. Впрочемъ, вы, Левъ Николаевичъ меня понимаете. Я васъ давно люблю. Меня только вотъ никто не любитъ.

И тутъ онъ, чтобъ скрыть свое волненіе и овладѣть собой, всталъ и продекламировалъ: „Я тотъ, котораго никто не любитъ и все живущее... надо сказать клянетъ, но нѣтъ, не скажу этого. Есть кое-кто, кто и не клянетъ“.

Мы разстались съ нимъ очень дружно и братски. Нимбъ учительства померкъ, но Нимбъ души засверкалъ свѣтлыми лучами.

На дняхъ только получилъ извѣстіе, что въ Америкѣ его переѣхалъ трамвай или автомобиль и въ больницѣ ему ампутировали ногу. Бѣдный Иванъ Михайлычъ!

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
Изъ прошлаго	5
Л. Н. Толстой и студенты	13
О врачахъ	21
О прессѣ	31
О театрѣ	37
Наканунѣ юбилея	43
О Думѣ	51
Академія нравственныхъ наукъ	57
Весна жизни	63
Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге	67
О женщинахъ	81
О разводѣ	87
Какъ отняли дѣтей отъ Хилкова	95
О тайнѣ безстрашія	103
Плачь патріарховъ	109
Легенда о языкѣ	115
Служители Бога	121
Легенда о патріархѣ	125
Легенда о Сократѣ	129
Жизнь челоѡѡка	133
Учитель жизни	139

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПОСѢВЪ“

С.-Петербургъ, Кузнечный пер., 14. Тел. № 89-65.

Отто Вейнингерь. Поль и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Пер. съ нѣм. В. Лихтенштадта, подъ ред. и съ предисл. А. Л. Волынскаго. 2-ое переработанное изданіе съ портр. автора. Ц. 3 руб.

І. Г. Ашкинази. Женщина и Человѣкъ. (Отто Вейнингерь и его книга— «Поль и характеръ»). Съ портр. Вейнингера и художеств. вып. обложками Ц. 50 к.

„Книга О. Вейнингера“ «Поль и характеръ» послужила темою для пространнаго реферата І. Г. Ашкинази въ СПБ. Литерат. О-вѣ. Взглядъ референта и самая тема его реферата вызвали оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе г.г. Анненскій, Герденштейнъ, Столпнеръ и друг. Предсѣдатель собранія, проф. Ратнеръ, въ заключительномъ словѣ, стараясь примирить взглядъ оппонентовъ со взглядами референта, обратилъ вниманіе, что референтъ затронуть самый жизненный вопросъ, волнующій всѣхъ и cadaго. (Изв. книжн. магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ“ Окт. 1908 г.).

Шарль Бодлэръ. „Исканія Рая“. Опій, вино и гашишъ, какъ средство расширенія человѣческой личности. Съ портретомъ автора, въ переводѣ В. Лихтенштадтъ. Ц. 1 р.

„... Эта книга Бодлера, посвященная гашишу и опию, раскрываетъ передъ нами отношеніе къ этимъ средствамъ искателя и изслѣдователя утонченнѣйшихъ и рѣдчайшихъ ощущеній. Описаніе каждой галлюцинаціи сопровождается разборомъ и примѣчаніями автора, въ которыхъ сквозить его отвращеніе къ наслажденію, достигнутому искусственными средствами. Переводъ выполненъ тщательно и изящно и близокъ къ оригиналу“. („Русск. Вѣд.“ 17 Іюня 1908 г.).

Библіотека современныхъ властителей думъ, вып. 1-ый:
Н. Я. Абрамовичъ. Религія красоты и страданія— О. Уайльдъ и Ѳ. М. Достоевскій. Съ портретами и художествен. обложкой. Ц. 60 к.

Содержаніе:

Предисловіе. Гл. I— „Дворецъ Жизни“ и „Подполье“— Гл. II. — Каторга и творчество.— Гл. III. — Сенсуализмъ Уайльда и Достоевскаго.

Норвежскій, Оскаръ. „Литературные силуэты“ (Купринъ, Андреевъ, Волинскій, Каменскій, Ашъ Шоломъ, Блокъ, Ведекиндъ, Альтенбергъ и др.). Съ 12 портр. и художественно исполн. обложкой. Ц. 1 р. 25 к.

Стефанъ Жеромскій. „Бездомные“. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ М. Троповской. Ц. 1 р. 60 к.

Какъ Виргилій водить Данта по всеѣмъ кругамъ ада, такъ авторъ вводитъ своего героя во всеѣ слои польскаго общества. Картины городской нищеты написаны съ потрясающимъ реализмомъ. Издана книга и переведена очень недурно. („Современ. Слово“ № 182).

Его-же. Разказы: „Силачка“, „Докторъ Петръ“, „Сумерки“, „На палубѣ“, „Табу“ и др. Ц. 1 р.

Г. Василевскій. Интеллигентная земледѣльческая община „Криница“. Къ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни. Съ портр. В. В. Еропкина и пятью рисунками. Ц. 85 к.

„Книжка въ наши дни чрезвычайныхъ психическихъ переживаній и отдѣльныхъ личностей и народныхъ массъ, послѣ бурныхъ послѣднихъ лѣтъ, представляетъ несомнѣнно живой интересъ. Изданіе съ внѣшней стороны очень изящно, снабжено хорошими рисунками и по цѣнѣ очень недорого“. („Слово“ 16 Мая 1908 г.).

...„На дняхъ попалась мнѣ въ руки книга, которая, хоть и поздно, даетъ серьезный и хорошій матеріалъ для исторіи „Криницы“. Авторъ жилъ въ Криницѣ, видѣлъ ея радости и боли, свѣтлыя и темныя стороны. Поэтому книга его глубоко захватываетъ исторію колоніи, обнажая путанья сплетенія ея сложной жизни“. (И. Жилкынъ „Слово“ 25-го Мая 1908 г.).

А. П. Омельченко, д-ръ. Герой нездороваго творчества „(Саннинъ“—романъ Арцыбашева). Изд. 3-е, безъ перемѣнъ. Ц. 35 к.

Его-же. Свободная любовь и семья („Саннинъ“—какъ вопросъ нашего времени). Изд. 2-ое безъ перемѣнъ. Ц. 35 к.

Его-же. Въ поискахъ социалистической морали. (Семья и проституція.—Желаніе и долгъ). Ц. 70 к.

А. Н. Сальниковъ. И. А. Гончаровъ.—Біограф. и разб. его главн. произв. Вып. I-й серіи „Ученической Библиотеки“. Ц. 35 к.

Его-же. А. Н. Островскій. Вып. II-й той же серіи. Ц. 35 к.

Его-же. И. С. Тургеневъ. Вып. III. той же серіи. Ц. 35 к.

ЦѢНА 70